Когда ты ушла

Автор:
Морган Мэтсон

Когда ты ушла

Морган Мэтсон

Вместе и навсегда

Лето создано для того, чтобы веселиться и воплощать в жизнь самые смелые фантазии. Две лучшие подруги – застенчивая Эмили и неугомонная Слоан – все делают вместе. И это лето должно стать лучшим в их жизни. Внезапно Слоан бесследно исчезает, оставляя лишь небольшую подсказку в виде списка смелых планов на каникулы, который, возможно, поможет вернуть подругу. Но решится ли Эмили на все безумства, которые приготовила для нее Слоан?

Морган Мэтсон

Когда ты ушла

Посвящается Амалии

Данкан:

– Ты должна мне доверять. Мы ведь друзья.

Сесилия:

– Я так не думаю. Настоящий друг – это тот, на кого можно положиться, несмотря ни на что. Тот, кто идет в чащу леса, чтобы найти тебя и вернуть домой. И еще – настоящему другу незачем говорить тебе, что он твой друг.

«Большой Джус»,

авторы Андреа и Скотт Хьюз.

«Готэм Драматистс»,

все права защищены.

1

Список

Список пришел по почте через две недели после исчезновения Слоан.

Меня в тот момент не было дома: я снова отправилась к подруге в тщетной надежде ее найти. Я вела машину, крепко сжимая руль. Плеер был выключен, и по дороге я решила, что, если Слоан там, мне не нужны будут никакие объяснения. Она не обязана будет мне говорить, почему вдруг перестала отвечать на мои телефонные звонки, сообщения, электронные письма и вообще почему и куда она исчезла вместе с родителями и семейной машиной. Знаю, смешно было так думать – я будто торговалась с каким-то космическим разумом, который мог бы мне гарантировать выполнение моих условий, – но я все равно продолжала этот внутренний монолог по мере того, как приближалась к Рэндольф-фармс-авеню. В тот момент я могла бы обещать кому угодно что угодно, если бы только это могло вернуть Слоан. Потому что, если Слоан вернется, жизнь опять обретет смысл.

Не будет преувеличением сказать, что последние две недели были худшими в моей жизни. Едва закончились первые выходные после конца учебного года, как родители увезли меня из города, невзирая на мои протесты. Когда я наконец вернулась в Стэнвич – после сплошной череды магазинов антиквариата и

художественных галерей, – то немедленно позвонила подруге, держа в руке ключи от машины и собираясь сразу же отправиться к ней, где бы она ни находилась, дома или в городе. Но Слоан не ответила на звонок. Не взяла она трубку и через час, и еще позже вечером, и перед сном.

На следующий день я поехала к ней – но обнаружила только, что машины ее родителей нет во дворе, а окна в доме закрыты. Она не отвечала на мои СМС и по-прежнему не брала трубку. Вместо этого сразу включался автоответчик – но тогда я еще не начала волноваться. Иногда Слоан забывала зарядить телефон, и он отключался, а она и не знала, к тому же подруга вечно не помнила, куда засунула зарядное устройство. А ее родители – Милли и Андерсон – имели обыкновение не сообщать ей заранее о своих планах. Они могли просто внезапно увезти ее куда-нибудь вроде Палм-Бич или Нантакета, а значит, Слоан вернется через пару дней загорелая, с каким-нибудь сувенирчиком для меня и с кучей интересных историй. Я была уверена, что и в этот раз получится именно так.

Но через три дня полного молчания с ее стороны я все же заволновалась. Через пять дней – запаниковала. Невозможно было просто так сидеть дома, все время глядя на телефон в ожидании звонка, и я начала бездумно кататься по городу, по всем нашим с ней любимым местам, постоянно представляя, что сейчас ее встречу, надеясь до последнего момента, пока не становилось ясно, что ее там нет. Она не валялась на солнышке, растянувшись на столе для пикников в городском саду, не шарила по вешалкам на распродаже в секонд-хенде «Дважды в сказке» и не ела свою любимую пиццу с ананасами в «Капитан-Пицце». Она просто исчезла.

Я совершенно не представляла, что делать. Мы виделись почти каждый день, а если нет – перебрасывались сообщениями или созванивались, часами болтая о всякой всячине. Мы писали обо всем, что приходит в голову. Я: «Мне кажется, в новой юбке я похожа на монахиню. Обещай мне сказать, если это так!» Она: «А ты заметила, что Лох-Несское чудовище что-то давно не показывалось людям?» За два года нашей ближайшей дружбы не осталось почти ни одной мысли, ни одной идеи, которой я не поделилась бы с ней, и теперешнее ее молчание казалось мне оглушительным. Оставалось только продолжать ей писать в надежде, что рано или поздно она ответит. То и дело я тянулась к телефону, чтобы набрать Слоан и пожаловаться, как волнуюсь из-за того, что она не отвечает на мои звонки.

Я задержала дыхание, выруливая на дорожку, ведущую к ее дому: детская магия, я так делала в младших классах перед тем, как открыть коробку с подарком на день рождения в надежде, что там окажется самый желанный сюрприз.

Но на дорожке было пусто, окна по-прежнему закрыты. Я все равно подъехала, припарковалась и заглушила мотор. Откинулась на сиденье, борясь с противным комком в горле. Куда еще поехать, где ее икать? Слоан не могла просто так исчезнуть. Не могла уехать, ничего мне не сказав.

Но тогда где же она?

Готовая вот-вот расплакаться, я вышла из машины и побрела к дому, освещенному рассветным солнцем. Сам факт, что так рано утром дом совершенно пуст, был лучшим ответом на мои сомнения и надежды – я отлично знала, что Милли и Андерсон никогда не встают раньше десяти. Понимая, что в этом нет никакого смысла, я все же поднялась по широким каменным ступенькам, покрытым яркой летней листвой. Слой листьев был таким плотным, что мне приходилось разгребать их ногами – еще одно неопровержимое свидетельство, что здесь уже давно никого нет. Я все равно подошла к двери с бронзовым дверным молоточком в виде львиной головы и постучала, всматриваясь сквозь дверное стекло в тщетной надежде, что сейчас послышатся быстрые шаги Слоан по коридору, а потом она распахнет дверь и крепко меня обнимет, треща без умолку… Но внутри было тихо, и все, что я могла рассмотреть сквозь стекло, была табличка о мемориальном статусе дома, «входящего в число архитектурных памятников Стэнвича».

Подождав на всякий случай еще пару минут, я развернулась и села на верхнюю ступеньку, изо всех сил борясь с желанием упасть лицом в опавшие листья и зарыдать. Какая-то частичка меня все еще надеялась, что это окажется очень реалистичным кошмаром и я вот-вот проснусь, а Слоан будет на месте – ее голос зазвенит в телефонной трубке, как оно и должно быть, и она расскажет мне, какие у нас планы на сегодня.

Дом Слоан стоял в так называемом пригороде – когда дома становятся все больше и стоят друг от друга все дальше, а придомовые участки – все шире. Она жила от меня в десяти милях, которые я легко преодолевала в качестве пробежки, если была на пике спортивной формы. Но, несмотря на небольшое расстояние, не было районов более различных, чем наши с ней. Здесь редко

проезжала случайная машина, и тишина усугубляла мое чувство полного одиночества, страх, что никто никогда не вернется назад. Я наклонилась вперед, и волосы полностью закрыли мое лицо. Раз в округе никого нет, я могу быть тут сколько захочу, и никто меня не прогонит. Хоть весь день тут просижу. Потому что я и правда не знала, что еще мне теперь делать.

Послышался звук подъезжающего автомобиля, и я резко выпрямилась, отбросив волосы назад, – от неожиданно появившейся надежды у меня заныло в груди. Но машина, которая медленно катилась по дорожке, была вовсе не слегка побитой БМВ Андерсона. Это был желтый пикап с кузовом, нагруженным газонокосилками и прочими инструментами. Он припарковался у лестницы, и я прочитала надпись на его боку – «Ландшафтный дизайн, Стэнвич. Сады, лужайки, изгороди и прочие садовые работы!». Слоан всегда любила прикольные названия фирм или слоганы. Она говорила, что ее привлекают не столько сами каламбуры, сколько мысль о том, как хозяева фирм их придумывают. Я тут же взяла на заметку рассказать ей о «садовых работах» – и сразу осознала, насколько это бесполезно.

Из грузовичка выскочили трое парней и начали выгружать инструменты из кузова, а я все сидела на ступеньках как приклеенная, наблюдая за ними. На вид они были постарше меня, наверное, уже учились в колледже. Я понимала, что их приезд – это возможность что-то узнать, но для этого понадобилось бы вступить в разговор. Я застенчива с самого рождения, хотя последние два года у меня была совсем другая жизнь. Находиться рядом со Слоан – значит постоянно чувствовать себя уверенно и безопасно. Она всегда была готова подхватить нить разговора, если я терялась, а не терялась я только потому, что знала: она со мной и немедленно перехватит инициативу, стоит мне смутиться. И даже когда я была одна, общение с людьми давалось мне проще, потому что я знала, что любую неудачу смогу превратить в смешную историю, над которой мы обе после похихикаем. Но сейчас ее рядом не было, и я остро чувствовала, насколько беспомощна и несамостоятельна.

– Привет.

Я подскочила как ужаленная: один из парней обратился ко мне первый. Он стоял и смотрел прямо на меня, прикрыв глаза от солнца рукой, в то время как его товарищи выгружали газонокосилку.

– Ты тут живешь?

Парни опустили косилку на траву, и я вдруг узнала одного из них: он посещал английский в одной группе со мной в этом году. Отчего-то это меня еще больше смутило.

– Нет, – собственный голос показался мне чужим и странным, будто я давно не разговаривала.

И верно, за прошедшие две недели я едва ли десятком фраз обменялась со своими родителями и братишкой, а единственным моим собеседником была голосовая почта Слоан.

Я откашлялась и попробовала еще раз:

– Нет, не живу.

Парень удивленно поднял брови, и я поняла, что теперь мне надо объясниться. Иначе меня примут за нарушительницу, проникшую на чужую территорию, к тому же я мешаю им работать. Все трое уставились на меня, явно ожидая, что я уйду. Но если я так просто покину дом Слоан, оставив его троим чужакам в желтых форменных майках, то откуда же я узнаю, что происходит? Это будет означать, что я просто смирилась с ее исчезновением.

Парень, заговоривший со мной, скрестил руки на груди с выражением явного нетерпения, и уже невозможно было просто сидеть молча. Если бы Слоан была со мной, она бы их всех уже очаровала и сейчас упражнялась бы с какой-нибудь газонокосилкой, стараясь выписать ею свое имя на траве. Стоп, если бы Слоан была здесь, ничего этого не случилось бы. Я поднялась на ноги и с пылающими щеками спустилась по лестнице, едва не поскользнувшись на опавших листьях, но умудрилась не упасть и не опозориться окончательно. Кивнув парням, я подошла к своей машине.

Увидев, что я ухожу, они продолжили выгружать оборудование, обсуждая, кто какой работой сейчас займется. Я взялась за ручку дверцы, но не открыла ее. Неужели я просто так возьму и уеду? Даже не попробовав ничего узнать?

– Эй, – сказала я, но недостаточно громко – парни продолжали свой разговор, не обратив на меня внимания, двое спорили об удобрениях, а мой бывший одногруппник крутил в руках бейсболку. – Эй! – повторила я уже громче, так, что они наконец умолкли и повернулись ко мне.

У меня вспотели ладони, но нужно было продолжать, иначе я себя никогда потом не прощу.

– Я просто хотела… э-э-э… узнать. – Я перевела дыхание. – Тут живет моя подруга, я ее пыталась найти. Вы случайно не знаете…

Неожиданно я увидела себя со стороны: что может быть смешнее, чем девица, которая выясняет у газонокосильщиков, где может быть ее лучшая подруга?

– Я хотела сказать – это ведь они вас наняли, да? В смысле ее родители, Милли и Андерсон Уильямс?

Я изо всех сил цеплялась за эту гипотезу, которая хоть что-то объясняла. Если Уильямсы наняли ребят косить свои лужайки, значит, сами они уехали на каникулы, не желая, чтобы садовые работы их тревожили. Просто отправились в долгую поездку в какую-нибудь глушь, где нет мобильной связи и электронной почты. Вот и все.

Парни переглянулись – похоже, имена им ничего не говорили.

– Извини, – сказал тот, что с бейсболкой. – Нам просто сообщили адрес, мы не знаем имен заказчиков.

Я кивнула, чувствуя, как последняя надежда оставляет меня. На самом деле приезд косильщиков был дурным знаком, потому что я никогда не видела, чтобы Андерсон хоть как-то ухаживал за своим садом и лужайками, несмотря на постоянные требования Стэнвичского исторического общества нанять кого-нибудь и привести участок в порядок.

Двое парней тем временем ушли за дом, а мой бывший одногруппник помедлил, обернувшись ко мне.

– Ты вроде подруга Слоан Уильямс, да?

– Да, – немедленно отозвалась я.

Именно по этому признаку меня узнавали в школе, и я совершенно не возражала – наоборот, такое определение делало меня счастливой. Может, этот парень что-нибудь знает, слышал от кого-нибудь.

– Собственно, Слоан я как раз и ищу. Это ее дом, вот я и…

Парень кивнул, словно извиняясь, и пожал плечами.

– Жалко, что я ничего не знаю. Надеюсь, ты ее скоро отыщешь.

Он не спросил моего имени, а я и не стремилась его назвать. С чего бы вдруг?

– Спасибо, – выдавила я, но слишком поздно, он уже ушел следом за товарищами.

Еще раз оглянувшись на дом, который теперь казался совсем чужим, я поняла, что тут больше нечего делать.

Домой я поехала не сразу – сперва заглянула в «Стэнвич кофе» в надежде увидеть там в уголке за столиком девушку с пышными волосами, собранными в пучок, скрепленный карандашом… девушку с английским романом в руках – из тех, где вместо кавычек-елочек ставят кавычки-лапки. Но Слоан там не было. Отправляясь обратно к машине, я думала, что будь она в городе, то сразу позвонила бы мне. Ее нет уже две недели – значит, что-то случилось.

Как ни странно, эта мысль помогла мне воспрянуть духом. Когда я уезжала утром, для родителей это выглядело так, будто я отправлялась встречаться с подругой. Если бы они спросили, какие у меня планы, я бы ответила что-нибудь туманное насчет поиска работы на лето. Но теперь пришло время рассказать им, что я волнуюсь и хочу понять, что происходит. В конце концов, они могут что-то знать, хотя наши родители никогда особо не дружили. Впервые они встретились, когда Милли и Андерсон приехали забрать Слоан после ночевки у меня – на два часа позже ожидаемого. После того как они обменялись любезностями и мы со

Слоан попрощались, отец воскликнул, закрыв за гостями дверь: «Ну прямо настоящая сцена из Джеймса Герни». Не знаю, что он хотел этим сказать, хотя, судя по его тону, это был не комплимент. Неважно, дружили наши родители или нет, – все равно мои могли что-то знать или придумать способ выяснить правду.

По мере приближения к дому я все больше проникалась этой мыслью. Мы жили неподалеку от одного из четырех деловых районов Стэнвича, в удобном квартале. Правда, через него проходил большой поток людей и автомобилей, направлявшихся к пляжу, который располагался в десяти минутах езды от нашего дома. Наш Стэнвич стоит на берегу пролива Лонг-Айленд, и хотя больших волн тут не бывает, все равно есть хороший песчаный пляж, красивые виды и прекрасные коттеджи на самом берегу.

Наш дом не из таких: он старый, построен в викторианском стиле, и родителям пришлось немало повозиться с его ремонтом за те шесть лет, что мы тут живем. Полы неровные, потолки низкие, весь цокольный этаж поделен на множество отдельных комнат – маленьких кабинетов. Но до того мы с родителями и с младшим братом ютились в крохотных квартирках, обычно располагавшихся на втором этаже над продуктовыми магазинами или азиатскими закусочными, так что, переехав в этот дом, мы едва поверили в свою удачу. Родителям было все равно, что он требовал ремонта, что он трехэтажный и потому зимой обогрев стоит очень дорого – а центральную систему кондиционирования во время его постройки еще не изобрели, так что летом в нем весьма жарко. Дом их просто очаровал.

Изначально он был фиолетового цвета, но с годами выцвел и сейчас стал, скорее, лавандовым. У него широкое крыльцо, на крыше площадка с перильцами, слишком много окон – куда больше необходимого – и маленькая боковая башня, в которой родители устроили свою студию.

Подойдя к дому, я заметила своего младшего брата – он неподвижно сидел на крыльце, что ему совсем не свойственно. Беккету десять лет, и он постоянно в движении: залезает на все, на что возможно залезть, изображая ниндзя или гоняя на велосипеде по всему кварталу – обычно со своей лучшей подругой Аннабель Монпелье. Два отчаянных гонщика, бич всех мамаш с колясками в радиусе пяти миль.

Я припарковалась и пошла к нему, раздумывая, а уж не пропустила ли я чего-нибудь важного за последние две недели, которые провела как во сне,

встречаясь с родными лишь за ужином и ни на что не обращая внимания. Может, Беккет просто утомил родителей и они попросили оставить их в покое? Ну, это я скоро узнаю – все равно же собираюсь сейчас поговорить с ними о Слоан.

– Привет. Ты в порядке? – спросила я брата, поднимаясь к двери.

Он вскинул голову на мгновение – и опять уставился на носки своих кроссовок.

– Это случилось опять.

– Ты уверен? – я рывком распахнула дверь, надеясь, что Беккет ошибается: в конце концов, до сих пор он сталкивался с «этим» всего дважды. Может, он что-то неправильно понял.

Беккет прошел за мной через комнатку, которая изначально была одним из многих маленьких кабинетов, а при нас превратилась в кладовку, где хранилась зимняя одежда и обувь. Дальше коридор вел вглубь дома, там всегда царил полумрак.

– Мам! – позвала я, скрестив пальцы в кармане шортов и надеясь, что Беккет ошибается.

Но едва глаза привыкли к полумраку после солнечной улицы, я разглядела за открытой дверью кухни горы пакетов из гипермаркета в паре кварталов отсюда. На всех свободных поверхностях кухни громоздились продукты: пачки макарон быстрого приготовления, коробки с овсяными хлопьями, целые бастионы молочных пакетов, нечеловеческое количество сырных крекеров. Едва увидев этот склад, я с тоской осознала, что Беккет был прав. Родители действительно принялись сочинять новую пьесу.

– Я ж говорил, – со вздохом прокомментировал брат.

Мои родители – драматурги. В течение учебного года они работают в Стэнвич-колледже – местном университете, из-за чего мы, собственно, сюда и переехали. Мама преподает на театральном факультете драматургию, а папа – критический анализ на факультете английского. Работа их утомляет, особенно когда отец выступает в роли научного руководителя, а мама отвечает за какую-нибудь

постановку, но когда учебный год заканчивается, они расслабляются и могут заняться собственными проектами. Наверное, они вытащили из закромов какой-нибудь набросок сценария, который отложили несколько лет назад, и собрались довести его до ума. Скорее всего, это значило, что на следующих трех месяцах можно поставить крест.

Обычно наши летние каникулы проходят по одному и тому же плану, настолько неизменному, что его можно расписать по календарю. В июне папа традиционно решает, что общество его дискриминирует и угнетает, что необходимость подчиняться законам социума ограничивает личную свободу, и провозглашает, что он мужчина. Это означает, что какое-то время вся семья будет питаться только тем, что он лично зажарит на гриле, – причем таким способом папа готовит все подряд, в том числе то, что для жарки не приспособлено, например, лазанью. А еще он начнет отращивать бороду, которая к середине июля придает ему вид дикого горца.

Примерно в это же время мама находит себе новое хобби, которое она называет «каналом для выхода творческой энергии». Был год, когда этим каналом оказалось вязание неизменно кривых шарфиков, которые требовалось с благодарностью носить; был год, когда в доме нельзя было пользоваться ни одним столом: все они были заняты огромными маминими пазлами, так что есть папину жареную на гриле еду нам приходилось, держа тарелки на коленях. В прошлом году маме пришла идея заняться огородом, но единственное, что на нем уродилось, – это цукини, и их повадилась есть захожая косуля, которой мама объявила войну.

К концу августа у нас всех обычно начинается гастрит от пережаренной еды, а на папу начинают коситься, когда он приходит на почту или в магазин. Следующая стадия – папа сбривает бороду, мы снова готовим на плите, а мама бросает свое увлечение шарфиками, или пазлами, или цукини. Вот так странно проходят каникулы в нашем семействе – и я к этому привыкла.

Но когда родители принимаются за сочинительство, этой рутине приходит конец. На моей памяти это случалось всего пару раз. Когда мне было одиннадцать, они отправили меня в детский летний лагерь – это был ужасный опыт, зато он подарил родителям сюжет для новой пьесы. Второй раз это произошло, когда мне было тринадцать, а Беккету – шесть. Как-то ночью у них возникла новая идея, после чего они на весь остаток лета заперлись у себя в студии. Родители закупили еду впрок и раз в несколько дней появлялись

проведать, живы ли еще мы с братом. Я знала, что они так поступают не со зла, что не специально нас игнорируют. Но рабочей командой драматургов папа с мамой были еще задолго до того, как завели детей, так что просто невольно возвращались к прежнему образу жизни, когда весь мир сосредоточивался вокруг нового сценария и ничто, кроме работы, не имело значения.

Но сейчас это было так не вовремя для меня! Именно теперь мне нужно было их внимание.

– Мам! – позвала я снова.

Мама выглянула из гостиной; я с тоской заметила, что она одета в спортивные штаны и футболку – ее домашний «писательский» костюм, а волосы затянула в пучок на затылке.

– Эмили? А где твой брат?

– Тут, – Беккет высунулся у меня из-за спины и помахал рукой.

– А, хорошо, – рассеянно сказала мама. – Мы как раз хотели вас позвать. Нужно устроить маленькое семейное собрание.

– Погоди, – перебила я ее, делая шаг вперед. – Мам, мне нужно поговорить с вами. Это насчет Слоан…

– Семейное собрание! – прогудел из кухни голос отца.

Голос у него гулкий, громкий – это одна из причин, почему ему постоянно ставят в расписание первые пары в восемь утра: он один из немногих преподавателей на английской кафедре, который не дает студентам спать на своих лекциях.

– Беккет! Эмили! А, вы уже здесь.

– Пап, – сказала я, переключаясь на него, – мне нужно с вами поговорить.

– И нам с вами, дети, – отозвалась мама. – Мы с папой тут ночью долго разговаривали и кое-что придумали, так что теперь – Скотт, что именно подало

нам эту идею?

– Твоя лампа перегорела, – вспомнил отец. – Вот почему мы начали говорить об электричестве.

– Точно, – кивнула мама. – Именно так. Постепенно разговор перешел на Эдисона, на Теслу, а потом – на Эдисона и Теслу вместе, и в конце концов…

– Мы решили написать пьесу, – закончил отец, оглядываясь в сторону гостиной. Я заметила, что их ноутбуки уже стоят там, на столе, напротив друг друга. – Нужно поработать над парочкой идей. Может, ничего толком и не получится…

Я кивнула в полной уверенности, что все у них получится. Мои родители достаточно давно занимались драматургией, чтобы определить с самого начала, стоит ли идея месяца изоляции. Я отлично распознавала все признаки: если они так прибедняются с самого начала, значит, чувствуют, что проект многообещающий. И то, с каким восторгом они сейчас говорили о своей ненаписанной пьесе, ясно свидетельствовало, что идея носилась в воздухе уже несколько дней.

– Значит, так: нам придется немного поработать, – сказала мама, притом что под «немного» явно понималось все лето. – Мы купили кое-какие продукты, – она широким жестом указала на кухню, где уже начали подтаивать огромные пакеты замороженного горошка и полуфабрикаты для буррито. – И в ракушке лежат еще деньги на всякий случай.

Эта большая морская раковина в гостиной служила нам копилкой с того времени, как самая знаменитая пьеса моих родителей, «Большой Джус», была поставлена на Бродвее. Эта же раковина, помимо семейного сейфа, была еще и пресс-папье для стопки кулинарных брошюр.

– Беккет отправляется в летний лагерь, так что с ним все улажено… Аннабель тоже едет, – быстро прибавила мама, заметив, как насупился Беккет.

– А как же поход? – спросил он.

– Мы обязательно сходим в поход, – пообещал папа и, заметив мой тревожный взгляд, пояснил: – Только мы с Беккетом. Только мужчины семейства Хьюз на дикой природе.

– А как же… – Беккет подозрительно глянул в сторону кухни.

– Но поход будет не раньше июля. Думаю, пьеса у нас много времени не займет.

– А что насчет тебя, Эм? – спросила мама, невольно отходя к двери гостиной, как если бы там стоял мощный магнит. – Какие у тебя планы на лето?

Я прикусила губу. Сколько планов на лето у нас было вместе со Слоан! Мы заранее заказали билеты на концерт; подруга рассказывала, что распланировала для нас маршрут какого-то загадочного «пицца-тура»; я предвкушала, что за лето мы обойдем все кафешки Стэнвича в поисках лучших в городе капкейков… У Слоан был план подыскать нам обеим «бойфрендов на лето» – правда, как именно она это собиралась делать, Слоан не рассказала. Мы наметили выходные, в которые собирались поездить по блошиным рынкам – Слоан обожала такие места и нашла их множество в округе. Я отметила в календаре все вечера, которые мы могли бы посвятить походам в открытый кинотеатр на двойные сеансы. Слоан решила познакомиться с кем-нибудь, у кого дома есть бассейн, и непременно этим летом побить меня в мини-гольфе (как ни странно, мне эта игра давалась легче, а моя подруга всегда впадала в особый соревновательный раж, если подразумевались призы в виде мягких игрушек). Я хотела научиться танцу зомби из клипа «Триллер», а она – танцу из последнего клипа Ландон Мур, тому самому, который вызвал столько протестов от групп возмущенных родителей.

Разумеется, мы обе собирались найти подработку на лето. Причем не особенно тяжелую. Такую, на которую можно ходить вместе, – например, прошлым летом мы подрабатывали официантками в «Стэнвичском загородном клубе», причем Слоан получала больше чаевых, чем кто-либо другой, а я приобрела репутацию самой ловкой разливальщицы кетчупа по бутылочкам. А еще были дни, на которые мы нарочно не строили специальных планов, собираясь просто валяться на пляже или гулять по городу без особой цели, попивая холодную колу. Со Слоан любое занятие превращалось в веселое приключение, достаточно было одного ее присутствия.

Сглотнув комок в горле, я вспомнила обо всех этих ожиданиях – такое долгожданное лето исчезало на глазах. Будь здесь Слоан, сам факт, что мои родители заняты и им совершенно не до меня и не до того, во сколько я прихожу домой, только способствовал бы лучшему лету в жизни. Я так ясно его представляла – лето мечты, лето свободы – и теперь этот мираж таял с каждой секундой.

– Эмили! – повторила мама, и я подняла на нее глаза.

Физически она находилась здесь, в одной комнате со мной, но я знала, что душой мои родители сейчас далеко – целиком мыслями в своей пьесе. Какое-то мгновение я колебалась, не рассказать ли им про Слоан, не попросить ли помочь разузнать, что происходит. Но я отлично понимала, что они скажут «да, конечно» – и немедленно забудут обо мне ради Теслы и Эдисона.

– Пока… еще планирую, – ответила я наконец.

– Звучит отлично, – кивнул папа.

Мама заулыбалась, как будто получила от меня самый желанный ответ, притом что я не сказала вообще ничего конкретного. Но ясно было, что они просто хотят закрыть этот вопрос, решить для себя, что с детьми все в порядке, – и можно отдаться работе. Оба они стремились поскорее попасть в гостиную, где тихо светились экраны ноутбуков, притягивая их к себе. Я вздохнула и направилась на кухню – убрать замороженную еду в холодильник, пока она не испортилась.

– Ах, да, Эм, – вспомнила мама уже в дверях гостиной. Отец уже сидел за компьютером и хрустел суставами пальцев. – Тебе письмо пришло.

Сердце мое пропустило пару тактов. На свете был только один человек, который посылал мне письма… И не просто письма, а списки дел.

– Где оно?

– На микроволновке, – ответила мама, закрывая за собой дверь.

Я бросилась в кухню, забыв и думать о замороженных буррито, уронила с микроволновки огромную пачку салфеток – и увидела письмо. Лежало себе как ни в чем не бывало рядом со счетом от газонокосильщика. Письмо, адресованное мне, надписанное рукой Слоан.

Июнь. Год назад

– Ты мне прислала письмо? – спросила я.

Слоан резко обернулась, едва не уронив очки в широченной зеленой оправе, которые держала в руках.

Письмо было у меня – я с утра нашла его на микроволновке, когда спустилась позавтракать, прежде чем ехать с ней на встречу и вместе катить на новый блошиный рынок в полутора часах от Стэнвича.

Хотя обратного адреса на конверте не было, только рисунок сердечка, я сразу узнала ее почерк, забавно чередовавший прописные буквы со строчными.

– Так всегда бывает, если посещать началку в трех разных школах, – объясняла она. – Все учат тебя по-своему, а сами основы просто упускаешь.

Слоан с родителями вели очень интересную жизнь: постоянно в дороге, то и дело переезжая с места на место по поводу и без повода, если просто вдруг захотелось новых приключений. Я такие семьи видела в кино, но никогда не сталкивалась с этим в жизни.

К тому времени я уже знала, что Слоан использует этот аргумент, когда ей выгодно, – не только относительно почерка, но и как объяснение своей неспособности подтянуть алгебру, лазать по канату или водить машину.

Она была единственной среди моих знакомых, у кого в нашем возрасте еще не было водительских прав. Слоан оправдывалась тем, что при всех этих переездах у нее никогда не было достаточно времени, чтобы пройти курсы и получить права. Но у меня было стойкое ощущение, что у Милли и Андерсона попросту

всегда находились занятия поинтересней, чем отвести дочь в автошколу и потом каждый вечер проверять, насколько хорошо она выучила правила движения и дорожные знаки, как в свое время делал мой отец.

Когда я заметила, что теперь они наконец-то осели в Стэнвиче и она может без проблем получить права, Слоан только отмахнулась.

– Общие принципы вождения я знаю, – сказала она. – Скажем, если автобус, в котором я еду, вдруг захочет угнать террорист и пристрелит водителя, я смогу перехватить руль без проблем.

Кроме того, Слоан предпочитала везде, где только возможно, ходить пешком – эту привычку она приобрела, большую часть времени живя в мегаполисах, причем не только в таких как Нью-Йорк и Бостон, – в список ее мест жительства входили и Лондон, и Париж, и Копенгаген. Ходить ей нравилось. А мне нравилось водить машину, и я всегда была рада ее подвезти. Слоан была штурманом, навигатором и одновременно диджеем, а заодно сообщала мне, когда в машине кончались чипсы и кола и нужно было пополнить запасы.

Меня случайно толкнула пожилая женщина, выбиравшая запонки, и я отступила от прилавка на пару шагов. Блошиный рынок был похож на все те, где я уже побывала, – всегда в компании Слоан. Мы сюда приехали для того, чтобы купить ей туфли. Но как только заплатили по паре долларов за вход на большую школьную парковку, которую на выходные превратили в остров сокровищ, подруга тотчас потащила меня к прилавку, полному солнцезащитных очков и бижутерии. С самого утра я все выжидала момента поговорить с ней о письме: по дороге это было неудобно, потому что мы были заняты пением песен, обсуждением последних сплетен и притом не забывали следить за указателями.

Слоан улыбнулась и нацепила на нос ужасные зеленые очки, скрывавшие глаза, и я подумала даже, уж не смутилась ли она – такого я за ней никогда не замечала.

– Письмо должно было прийти завтра утром, – пояснила она, любуясь своим отражением в зеркальце. – Я надеялась, что ты его получишь перед самым отъездом в аэропорт. Но почта тут слишком быстро работает.

– Но что это такое и зачем? – настаивала я, развернув листок.

Наверху страницы красовался заголовок – «Эмили отбывает в Шотландию!».

Дальше шел список.

1. Попробуй хаггис.[1 - Шотландское блюдо из бараньего рубца.]

2. Назови хотя бы трех встречных lassie.[2 - «Девчушка», «милашка» – шотландский диалектизм.]

3. Скажи хотя бы один раз: «Вы можете забрать мою жизнь, но вам не забрать мою свободу!»[3 - Цитата из Уильяма Уоллеса, шотландского национального героя, в фильме «Храброе сердце».]– обязательно громко и в общественном месте!

Список продолжался в том же духе – на другой стороне листа мне предписывалось, в частности, половить рыбу нахлыстом[4 - Вид ловли рыбы на искусственную приманку с особым способом заброса.] и спросить у случайного прохожего, знает ли он, где найти Дж. К. Роулинг. Всего этого я делать, конечно же, не собиралась, и не только потому, что улетала в Шотландию всего на пять дней. Моих родителей пригласили поучаствовать в Эдинбургском фестивале искусств, и они решили превратить поездку в семейное путешествие. Я вдруг заметила, что в самом низу листа Слоан приписала маленькими буквами: «Когда все это сделаешь, непременно расскажи мне, что получилось».

Подруга тем временем отложила зеленые очки и взяла другие, с маленькими круглыми стеклами.

– Это просто список твоих дел в Шотландии, – пояснила она как ни в чем не бывало.

Нацепив очки, Слоан повернулась ко мне, ожидая моего мнения, и я отрицательно покачала головой. Подруга согласно положила очки на место.

– Мне просто хочется, чтобы ты там оттянулась по полной.

– Гм, я не уверена, что мне удастся сделать хоть что-то из твоего списка, – призналась я, складывая письмо обратно в конверт. – Но здорово, что ты столько

всего придумала. Спасибо.

Слоан подмигнула мне и продолжила копаться в очках в попытке отыскать что-нибудь особенное. Всю весну она копировала стиль Одри Хепберн: черная подводка для глаз с длинными стрелками, облегающие черные брючки и туфли без каблуков – но теперь дрейфовала в направлении того, что определяла как «калифорнийские семидесятые». В качестве икон стиля она называла каких-то Марианну Фейтфулл[5 - Британская певица, музыкант и актриса (род. в 1947 г.).] и Аниту Палленберг[6 - Итальянская модель, актриса и дизайнер (1944–2017).], о которых я ничего не знала, и – наконец-то знакомое имя – Пенни Лейн, героиню фильма «Почти знаменит».

В тот день на Слоан было длинное винтажное платье с пышной юбкой и сандалии, ремешки которых доходили ей до лодыжек. Распущенные вьющиеся светлые волосы волнами сбегали по спине. До знакомства со Слоан я даже не представляла, что можно так стильно одеваться каждый день, а не раз в году для фотосессии. За время нашей дружбы мой гардероб обогатился несказанно, в основном за счет вещей, которые она для меня выбрала, но иногда я и сама себе что-то покупала – из той одежды, которую мне хватало духу надеть только в компании подруги и с ее одобрения.

Слоан тем временем откопала летные очки в металлической, слегка погнутой оправе и тут же надела их, повернувшись ко мне в надежде на одобрение. На этот раз я кивнула – и заметила парнишку на пару лет младше нас, который замер как вкопанный, уставившись на Слоан. Он растерянно держал в руках какой-то старый кружевной воротничок, не вполне осознавая, что он взял с прилавка и зачем. Такова уж моя лучшая подруга – она из тех девушек, которые заметны в любой толпе. Ну да, она красивая: вьющиеся волосы, ярко-голубые глаза, прекрасная кожа с золотистыми веснушками – но дело тут не только во внешности. Она просто так выглядит, будто знает самый важный секрет, и если подойти поближе, может быть, и с вами им поделится.

– Да, это вещь, – убежденно одобрила я находку, отводя взгляд от парня с воротничком. – Нужно брать.

– Вот и я так думаю. Поругаешь их для меня?

– Конечно, – согласилась я и нарочно отошла на несколько шагов в сторону, притворяясь, что разглядываю совершенно жуткие сережки, сделанные из чего-то вроде конфетной фольги.

Краем глаза я наблюдала за Слоан, которая подхватила еще одну пару очков, в черной оправе, и пробиралась с ними к продавцу – мужчине средних лет, поглощенному чтением комикса.

– Сколько стоят вот эти, летные? – спросила Слоан, и я подошла чуть ближе, как будто только что заметила ее и ее покупки.

– Двадцать пять, – буркнул продавец, не отрываясь от комикса.

– Пф, – фыркнула я у нее из-за плеча. – Столько они не стоят. Видите, мисс, оправа вся гнутая. Какое-то старье.

Слоан благодарно улыбнулась мне краешком губ. Я помнила, как она удивилась, когда я первый раз показала ей, как торговаться: она и представить не могла, что я такое умею. Но когда растешь в театральной среде, экспромт – первое, чему ты учишься.

– Да, наверно, вы правы, – протянула она, вертя очки в руках.

– Они не гнутые и не старые, – продавец отложил свой комикс «Суперприятели». – Они просто винтажные.

Я пожала плечами.

– Больше пятнадцати я бы за них все равно не дала, – начала я, но Слоан сделала мне большие глаза. – В смысле больше десяти.

– Пожалуй, – согласилась Слоан и положила обе пары очков на прилавок. – Я лучше похожу тут еще, погляжу, подумаю.

– Да, пойдемте, – поддержала я, разворачиваясь без малейшего намерения на самом деле уходить.

– Стойте, – быстро сказал продавец. – Пожалуй, я готов отдать их за пятнадцать. Но ни центом меньше.

– Обе пары за двадцать, – предложила Слоан, глядя ему прямо в глаза.

– Двадцать один, – неубедительно поторговался продавец, но Слоан, не слушая, уже протягивала ему двадцатку.

Через минуту мы со Слоан – она в своих новых летных очках – уже стояли у другого прилавка.

– Отличная работа, – похвалила меня подруга.

– Можно было и получше, – отмахнулась я, едва не столкнувшись с парнем, который тащил огромную картину с котенком. – Мне нужно было начинать с десятки.

Слоан пожала плечами.

– Если сразу назвать слишком низкую цену, можно напугать продавца и лишиться товара. А это тебе, – она протянула мне очки в черной оправе, и я разглядела наконец, что это настоящий винтаж фирмы Ray-Ban.

– Правда мне? – я тут же надела их и за неимением зеркала обернулась к Слоан, ожидая реакции подруги.

Она отступила на шаг, уперев руки в бока, критически оглядела меня и расплылась в улыбке.

– Тебе очень идет.

Она покопалась в сумочке, вытащила цифровой фотоаппарат и щелкнула меня раньше, чем я успела заслониться рукой. У Слоан не было смартфона, зато она всегда носила с собой фотоаппарат, а иногда даже парочку. У нее их была целая куча: для панорамной съемки, пленочных черно-белых, даже водоустойчивых – для ныряльщиков. На прошлой неделе мы впервые поехали на пляж, и Слоан снимала нас под водой, а потом выныривала, триумфально воздев камеру над

головой. «А ты своим телефончиком так можешь? – смеялась она. – Не можешь ведь!»

– Правда идет? – переспросила я, хотя и так доверяла ее мнению.

– Эти очки просто созданы для тебя.

Слоан бросила фотоаппарат обратно в сумочку и устремилась дальше исследовать прилавки. Мы миновали ряды ретроодежды, перешли к башмакам. Я старалась поймать свое отражение в зеркале; потом снова нащупала письмо в сумочке и вернулась к разговору.

– Слушай, – я выбрала момент, когда Слоан сидела на земле и расшнуровывала сандалии, чтобы померить туфли, – а зачем было посылать этот список? Почему ты не отдала его лично в руки?

Я вертела в руках конверт – написанный адрес, наклеенная марка, столько возни!

– И зачем вообще было что-то писать, если можно было сказать?

Слоан взглянула на меня снизу вверх и улыбнулась – ее зубы, слегка неровные, ярко блестели на солнце.

– Можно было. Но так ведь куда интереснее!

* * *

«Мисс Эмили Хьюз

Дрифтуэй-лейн, д. 15

Стэнвич, Коннектикут

06831»

1. Поцелуй незнакомца.

2. Поплавай голышом.

3. Укради что-нибудь.

4. Разбей что-нибудь.

5. Пенелопа.

6. Прокатись на диком коне, как настоящий ковбой.

7. 55, авеню С. Спросить Мону.

8. Платье с открытой спиной. И повод его надеть.

9. Протанцуй ночь напролет.

10. Поделись своими тайнами.

11. Обними кого-нибудь по имени Джейми.

12. Отправляйся в темноте рвать яблоки.

13. Проспи ночь под звездным небом.

Я сидела на кровати, так крепко сжимая в руках этот новый список, что кончики пальцев побелели.

Я понятия не имела, что все это значит, но что-то же оно значило. Письмо от Слоан. Она послала мне список.

Вынув список из конверта, я какое-то время просто таращилась на него, мозг отказывался складывать буквы в слова. На тот момент мне было достаточно того, что подруга мне прислала весточку, а не просто исчезла в никуда, оставив меня один на один с воспоминаниями и вопросами. Более того – я наконец почувствовала, как туман, окружавший меня на протяжении последних двух недель, начал наконец рассеиваться, пропуская солнечные лучи.

Как и с прочими ее списками дел, которые она посылала всякий раз, когда я уезжала, пусть даже на несколько дней, – к списку не прилагалось никаких объяснений. Просто перечисление странных, эксцентричных поступков, выводящих меня из зоны комфорта, – поступков, которые я никогда не совершила бы по собственной воле.

Эти списки стали чем-то вроде дежурной шутки для нас со Слоан, перед каждой новой поездкой я с интересом ждала, что она на этот раз придумает. В последнюю мою поездку с мамой в Нью-Хейвен это были предложения украсть игрушечную собачку по имени Красавчик Дэн и поцеловаться с одним из членов группы Whiffenpoof – как выяснилось, Андерсон учился в Йельском университете, так что Слоан знала об этих краях больше, чем я могла предположить. За годы нашей дружбы я привыкла выполнять один-два пункта из ее списков и потом рассказывать ей об этом, а Слоан всегда хотела знать, что помешало мне выполнить все до единого.

Я снова посмотрела на лист бумаги в своих руках, пытаясь понять, чем этот список отличается от всех остальных. В нем были действительно опасные, пугающие меня задания – например, купание голышом или верховая езда, моя давняя фобия, при одной мысли о которой у меня потели ладони. Но я видела здесь и пункты, которые выглядели вполне приемлемо. Можно сказать, даже безобидно.

Перечитав список, я поняла, что это не спонтанный набор задач вроде тех, что Слоан выдавала мне при поездке в Калифорнию, или в Эдинбург, или в Остин. Хотя ряд пунктов оставался для меня непонятным: зачем бы мне, скажем, обнимать кого-то по имени Джейми? – в остальных заданиях мне виделась некая логика. Все это были вещи, от которых я в свое время отказалась, главным образом из-за страха. Как будто Слоан хочет, чтобы я использовала второй шанс… Весь этот список выглядел как сплошные вторые шансы… Как вызов, целая куча вызовов.

Я перевернула лист – но с обратной стороны на нем ничего не было. На конверте, там, где обычно люди пишут адрес, был только рисунок – пальма под молодым месяцем, а марку наполовину перекрывал штамп, такой размазанный, что я не смогла прочесть почтовый код.

Я вспомнила, как обычно Слоан подписывала эти свои письма: «Когда все это сделаешь, непременно расскажи мне, что получилось». Сердце мое забилось вдвое быстрее от мысли, что этот список довольно опасных и трудных заданий может оказаться ключом, который поможет отыскать Слоан. Впервые с того момента, как я позвонила ей и услышала в ответ голосовую почту, я почувствовала, что мне есть чем заняться. Слоан оставила мне карту… И эта карта, если повезет, приведет меня к ней.

Снова и снова я перечитывала список в поисках наименее пугающей и сложной задачи, чего-нибудь такого, что я могла бы сделать уже сегодня… потому что мне не терпелось как можно скорее приняться за дело. Этот список каким-то образом приведет меня к Слоан – и приступать нужно прямо сейчас.

Авеню С. – это, несомненно, Стэнвич-авеню, главная торговая улица города. Нужно пойти туда и спросить Мону. Это нетрудно. Я не представляла, что находится в доме 55 по этой улице, но этот пункт казался самым простым из списка. Почувствовав, что наконец-то у поисков появилось направление, я рывком поднялась с кровати и пошла к дверям.

– Эмили!

– Ой, господи! – воскликнула я, подпрыгнув от неожиданности.

Мой брат висел в дверном проеме – именно висел, а не стоял и не сидел, как все обычные люди. Ногами он уперся в одну сторону дверного косяка, а спиной – в другую. Это его новейшее изобретение – подсмотрел где-то в фильмах про ниндзя. Поначалу он нас всех ужасно пугал этим трюком, и я даже привыкла, заходя в комнату, первым делом смотреть на верх дверного проема. Сказать, что Беккет не боится высоты, – это ничего не сказать. Забираться на крышу он научился в пять лет, и теперь, если он пропадает, мы все первым делом смотрим наверх.

– Извини, – сказал Беккет совершенно не извиняющимся тоном, глядя сверху вниз.

– И долго ты там висишь? – спросила я, решив, что он мог забраться туда довольно давно, а я ничего не заметила, увлекшись письмом от Слоан.

Он передернул плечами.

– Я думал, ты меня видишь. Слушай, отвези меня кое-куда, а?

– Я сейчас ухожу, – объяснила я, глянув на руки в поисках списка, и поняла, что оставила его на кровати.

У нас был кот, который крайне редко появлялся дома, половину времени проводя на улице, но он обладал редким свойством – по возвращении уничтожать и портить именно то, что наиболее ценно. Я вернулась за письмом и тщательно упаковала его в конверт, а конверт убрала в верхний ящик прикроватного столика, где лежали мои главные сокровища: детские дневники, фотографии, записки, которые Слоан мне передавала во время уроков или заталкивала в замочную скважину моего шкафчика.

– А ты куда? – все еще сверху вниз спросил Беккет.

– На Стэнвич-авеню.

Чтобы разговаривать с братом, мне нужно было поднять голову, и мне вдруг подумалось: а может быть, затем он и забирается на высоту – чтобы все ради разнообразия смотрели на него снизу вверх?

– Не отвезешь меня в «Экстрим-клуб»? – попросил он, причем голос у него зазвенел особенным образом, как всегда, когда он говорил о чем-нибудь очень для него важном. – Мне Аннабель рассказала. Это такое крутое место! Там и велодром, и лазалки всякие, и пейнтбол…

Хотя мне очень хотелось поскорее отделаться от брата, что-то в его голосе остановило меня. Если уеду одна, буду чувствовать себя виноватой…

– И сколько ты там собираешься пробыть, в этом своем «Экстриме»? Что если я тебя там оставлю на время и скатаюсь по своим делам?

Беккет заулыбался.

– Ой, я бы остался на несколько часов, ну, до вечера.

Я согласно кивнула, и братишка ловко спрыгнул на пол из дверной рамы.

– Тогда встречаемся у машины! – И он умчался как ветер, а я вернулась к столику.

Увидев свое отражение в зеркале над кроватью, я пригладила волосы, надеясь, что эта самая Мона не из тех, на кого я должна произвести впечатление своей внешностью. На мне была винтажная футболка, которую для меня выбрала Слоан, и шорты из обрезанных джинсов. Вообще я выше Слоан, если она без каблуков, а самое необычное в моей внешности – это глаза, потому что они разноцветные. Один – карий, а другой – карий с голубым. Когда Слоан впервые это заметила, она чуть с ума не сошла, подбирая мне тени, которые помогли бы моим глазам выглядеть одинаковыми. У меня русые прямые и длинные волосы, и всякий раз, когда я заговаривала о том, чтобы постричься, Слоан возмущалась: «У тебя волосы принцессы! Не трогай их, стриженых девчонок и так полно!».

Я заправила волосы за уши, проверила еще раз, что список точно лежит в ящике столика, и пошла вниз, вновь и вновь повторяя про себя задачу: «55, авеню С. Спросить Мону».

2

Яблоки в темноте

Беккет уже ждал меня на пассажирском сиденье моей машины. Старую зеленую «вольво» папа купил для меня у студента, который переезжал в Калифорнию. Я этого парня никогда не видела, но знала о нем немало, потому что весь бампер

машины пестрел наклейками: «Спасем китов!», «Кто не любит пурпурных ласточек?!», «Эта машина поднялась на гору Вашингтон!». На заднем стекле красовалась полусодранная наклейка «Юничуссетс Массаверсити»[7 - Парафраз названия Массачусетского технологического института (Unichusetts of Massaversity – University of Massachusetts).], а вот ни одной наклейки Стэнвич-колледжа не было, и это достаточно красноречиво говорило о том, почему парень продал машину. Я пробовала соскрести эти стикеры, но они держались слишком хорошо, так что в итоге привыкла к ним, а заодно и к внезапным проявлениям гнева или солидарности со стороны других водителей, которые думали, что так самовыразилась я, а не прежний хозяин авто. Левая задняя дверца была слегка помята, машина слишком долго заводилась холодными зимними днями, указатель уровня топлива был сломан – стрелка застряла посередине, показывая, что бак наполовину полон, даже когда он был совсем пуст. Со временем я стала просто запоминать, когда последний раз заправлялась и сколько с тех пор проехала. Конечно, я не всегда помнила точно, но это работало: мне еще не случалось застрять где-нибудь из-за пустого бака.

Главная особенность моей машины – постоянно откинутая крыша. Панель, которая ее закрывала, сломалась еще до того, как папа купил эту «вольво» – и мне оставалось только надеяться, что это случилось после покорения горы Вашингтон. У меня был брезентовый тент, который я натягивала на крышу во время дождя, вдобавок папа заказал деревянную конструкцию, подходившую по размеру и закрывавшую машину зимой. Но Слоан отсутствие крыши как раз нравилось: она терпеть не могла, когда я натягивала тент, даже если потела от жары или куталась в плед от холода. Она обожала вытянуть руку вверх, чтобы на ходу ловить ладонью ветер и купаться в солнечных лучах, заливавших сиденье.

– Готов? – спросила я братишку, надев свои новые темные очки от Ray-Ban.

Вопрос, скорее, был дежурным: ясно же, что Беккет уже давно готов к поездке. Я завела мотор и медленно выкатилась из ворот, внимательно глядя, нет ли на нашем пути пешеходов.

– Кто такой Тесла? – спросил Беккет, едва мы отъехали от дома.

Перед выходом я посмотрела адрес «Экстрим-клуба», чтобы не терять время, если окажется, что Беккет толком не знает, куда ехать. Все-таки у нас с братом было очень разное детство – в его годы я знала схему нью-йоркского метро как

свои пять пальцев и отлично ориентировалась в центре, по крайней мере, в Бруклине. Я была ребенком двух драматургов, изо всех сил пытавшихся пробить себе дорогу: постоянно самостоятельно ездила туда, где мои родители ставили очередную пьесу, сопровождала их везде, где они получали временные преподавательские места или куда отправлялись на гастроли.

Мы жили в Бруклине, Сан-Франциско, в обоих Портлендах – в Мэне и в Орегоне… Я привыкла спать на кушетке в гостиной очередной съемной квартиры и, даже если мне отводили отдельную комнату, никогда не развешивала по стенам постеры с музыкантами из любимой группы и не расставляла по полкам сувенирчики, потому что знала: все это ненадолго.

Но со времен «Большого Джуса» все изменилось. Мое ужасное лето в лагере вылилось в пьесу, которую поставили на Бродвее, потом по ней сняли душераздирающий фильм, а затем начались бессчетные постановки в разных театрах. Пьеса зажила своей жизнью – после десяти лет борьбы родители наконец добились настоящего успеха. Но самое важное – оба они получили постоянные контракты в одном и том же престижном университете, и даже в том возрасте я понимала, как много это значит. Мы переехали в Стэнвич, и хотя братишка заявлял, что помнит все эти ужасные съемные квартиры, в которых прошло его младенчество, на самом деле он никогда не знал другой жизни, кроме нынешней: стабильной и спокойной, с любимыми плакатами по стенам собственной комнаты.

– Что? – спросила я, отрываясь от навигатора в телефоне.

Я как раз размышляла: если отдать телефон Беккету, способен ли он будет поработать штурманом или сорвется и начнет гонять в какую-нибудь дурацкую игрушку?

– Тесла, – терпеливо повторил Беккет, будто пробуя слово на вкус. – Ну, пьеса, которую они пишут.

– А, – отозвалась я, не имея о Тесле ни малейшего представления, впрочем, мне сейчас было не до него. Родители с их делами отошли в сторону: самым важным был список Слоан. – Не знаю точно. Хочешь, в Интернете посмотри.

Я передала ему телефон и через секунду услышала характерную музыку – сопровождение игры. Хотела сказать ему, чтобы следил за дорогой, – но тут он тихонько спросил:

– Как думаешь, это у них надолго?

– Пьеса? – Беккет кивнул, не отрывая глаз от игры.

Кудряшки падали ему на лоб. Я унаследовала внешность от отца – прямые волосы, высокий рост, – а Беккет пошел в маму: ее кудри, голубые глаза.

– Не знаю, – честно ответила я.

Все говорило о том, что надолго, но уже несколько раз случалась в нашей жизни и ложная тревога.

– Это я потому спрашиваю, что мы с папой собирались в поход, – сообщил Беккет, сильно тыкая в экран моего телефона, так что я невольно морщилась. – У нас целый план был, что мы собираемся делать. Есть рыбу, которую сами поймаем, спать в палатке…

– Ты же не ешь рыбу, – напомнила я, но братик только отмахнулся.

– Для этого и придуманы походы – чтобы заниматься тем, что обычно не делаешь!

– Уверена, ваш поход состоится, – заверила я, скрещивая пальцы под рулем: пусть это окажется правдой!

Беккет поднял глаза и улыбнулся.

– Было бы круто, потому что… – внезапно он отвлекся и указал направо: – А мы уже приехали!

Я заехала на полупустую парковку возле здоровенного здания, похожего на бывший склад. Едва мы припарковались, как Беккет уже отстегнул ремень, выскочил из машины и помчался к входу, не дожидаясь меня. В других

обстоятельствах я бы рассердилась, но не сегодня: сейчас я была только рада видеть, что он настолько увлечен, значит, можно спокойно его здесь оставить и отправляться на Стэнвич-авеню.

Перед тем как выйти, я машинально взглянула на указатель уровня топлива, хоть это было бесполезно, и вспомнила, что надо бы поскорее заправиться, – еще одна причина оставить тут Беккета и уехать по своим делам. Я прошла следом за братишкой через парковку и дальше, внутрь помещения – дверь была стальная, тяжелая, с ручкой в форме горного пика.

«Экстрим-клуб» оказался действительно огромным – таких высоких потолков я еще никогда не видела. Здесь были и стойка регистрации, и офис, где выдавали напрокат спортивную одежду и обувь, но большую часть помещения занимали всяческие спортивные снаряды, все что угодно, чтобы весело покалечиться в хорошо кондиционированном помещении. Здесь были и хафпайп, по которому с грохотом скатывались скейтбордисты, и велотрасса с препятствиями, и огромный, во всю стену, вертикальный скалодром, по которому вниз и вверх карабкались скалолазы. Стену, поднимавшуюся до самого потолка, покрывали зацепки для рук и ног. Весь клуб, казалось, состоял из стали и камня – основным цветом был серый, с редкими проблесками красного. Здесь было прохладно, и низкий гул огромного промышленного кондиционера смешивался с возгласами скейтбордистов и фоновой музыкой техно.

Беккет уже ждал меня у кассы, вертясь на месте, чтобы все разглядеть как следует, и подпрыгивал от нетерпения. Мне он сразу сообщил, что хочет детский абонемент «все включено» – туда и правда было включено все, кроме пейнтбола. Цена абонемента заставила меня поморщиться, однако я его все же купила, напомнив себе, что чем дольше Беккет будет занят, тем больше пунктов из списка Слоан я успею выполнить. На сегодня я запланировала только один, однако, может быть, получатся сразу два? Тогда, если придумаю, как быть с самыми страшными заданиями, я смогу закрыть весь список за неделю.

Я заплатила деньги скучающему парню за стойкой регистрации – судя по бейджику с именем на груди, его звали Даг. Стоило нам отойти на шаг, как он вытащил книжку в мягкой обложке и погрузился в чтение, опираясь о стойку локтями.

Беккет плюхнулся на скамейку в форме валуна – или, может, это был настоящий валун – и принялся стягивать кроссовки, чтобы надеть скалолазную обувь,

выданную ему Дагом.

– Ну что, ты доволен? – спросила я, даже не присев рядом: мысленно я уже была на Стэнвич-авеню. – Тебя можно оставить? Ты же помнишь, у меня… дела.

– Все отлично, – подтвердил Беккет, закончив шнуровать ботинки. – Давай тогда, увидимся через пару часов?

– Договорились, – кивнула я. Беккет улыбнулся мне и побежал к скалодрому. Осмотревшись вокруг, я еще раз убедилась, что это лучшее место, где можно оставить братишку: нет сомнений, что он найдет чем заняться всю вторую половину дня!

Я решила подождать еще буквально минутку, чтобы не чувствовать себя худшей старшей сестрой в мире, и понаблюдала, как Беккет становится в очередь к скалодрому, слегка подпрыгивая на месте, – в его случае это означало, что он просто в восторге.

– Восьмой размер?

Я обернулась – и увидела неожиданную картину. Передо мной стоял Фрэнк Портер. Более того, в руках он держал пару ботинок для скалолазания.

Я его сразу узнала: как же можно не узнать Фрэнка Портера, одну из ярчайших звезд Стэнвичской высшей школы?! Его фотография годами не покидала доску почета, он стабильно получал награды лучшего ученика штата, был звездой спортивной команды. Фрэнк действительно казался тем парнем, который старается делать мир (или хотя бы мир в пределах нашей школы) лучше: он постоянно собирал подписи к каким-то петициям, организовывал клубы, ввязывался во все прогрессивные и новые проекты, движения, начинания… Отличницы бегали бы за ним толпой, если бы у него не было постоянной девушки. Лисса Янг была такая же, как он – дисциплинированная и увлеченная. Они встречались еще с девятого класса, но ничем не напоминали одну из тех школьных парочек, которые скандалят на автостоянках или обжимаются около шкафчиков. Фрэнк и Лисса казались единым целым, настолько их отношения были правильными и честными. У них было множество общих целей – я слышала, например, что каждое лето они отправляются вместе на курсы академического усовершенствования. Так что сейчас я просто не могла понять, что Фрэнк Портер

делает здесь, в этом клубе, со спортивными кроссовками в руках. Он входил в число немногих моих соучеников, которые себя чувствовали совершенно комфортно на официальных мероприятиях, когда приходилось надевать костюм с галстуком, поэтому видеть его сейчас в серой футболке с логотипом «Экстрим-настроение!» и с красным бейджиком на груди было достаточно странно. «Фрэнк» – гласил бейджик: можно подумать, иначе я бы его не узнала.

Фрэнк поприветствовал меня и протянул спортивные башмаки.

– Эмили!

Я кивнула, слегка удивившись, что он знает, как меня зовут, пусть даже мы и учились в одной школе уже три года. С тех пор как у нас в городе поселилась Слоан, я счастливо существовала в ее тени. Люди окликали ее по имени, а мне заодно махали рукой, и у меня было ощущение, что большинство наших одноклассников – как тот косильщик лужаек – могли бы меня идентифицировать как подругу Слоан Уильямс или что-то в этом роде. И меня это полностью устраивало: звание подруги Слоан делало меня более интересной личностью, чем я сама по себе являлась.

– Привет, – с легкой улыбкой поздоровался Фрэнк Портер. – Как дела?

Несмотря на серую футболку, он выглядел так же безупречно, как в течение всего учебного года: высокий, стройный, с рыжевато-русым цветом волос и короткой стрижкой, и только единственная длинная прядь, оставленная сзади, выдавала, что волосы у него слегка вьющиеся. Глаза Фрэнка были светло-карие, а кожа – чуть-чуть веснушчатая. Даже в форменной футболке, с парой спортивных туфель в руке он парадоксальным образом выглядел авторитетно и начальственно. Я так и видела, как после окончания Стэнвича Фрэнк добивается успеха: стремительно делает карьеру, становится председателем совета директоров, изобретает какую-нибудь хитрую электронную штуковину, которая нужна будет буквально каждому…

Черты его характера ярко проявлялись и во внешности, и в манере поведения: компетентность, порядочность, цельность. Если бы Фрэнк вздумал сниматься в рекламе, его портрет украсил бы пачки полезных для здоровья, экологически чистых овсяных хлопьев или упаковки с арахисовым маслом. Когда Слоан впервые увидела его в Стэнвичской высшей школе, она, помнится, спросила

меня не без интереса: «А кто этот главный бойскаут?».

– Привет… – запинаясь, пробормотала я, поняв, что молча пялюсь на него уже пару минут.

Фрэнк продолжал смотреть на меня, словно чего-то ожидая, и я вспомнила, что он задал мне вопрос, на который я до сих пор не ответила.

– А… э-э-э… дела хорошо.

– Тебе нужна обувь? – Фрэнк приподнял ботинки за шнурки.

Я все никак не могла понять, зачем он мне их предлагает, и покачала головой.

– Понятно, – улыбнулся Фрэнк. – Просто мне сказали, что кому-то нужны кроссовки для скалодрома, и я подумал, что речь о тебе. Попробовал на глаз прикинуть размер. – Он взглянул на мои ноги, я тоже автоматически опустила на них взгляд и тут же пожалела, что так давно делала педикюр: тот, что мы делали вместе со Слоан (красный лак, а на ногтях больших пальцев котики из черных точек), почти облез. – Скажи, я хотя бы угадал? Восьмой размер?

– Э-э-э, – протянула я, осознав, что жду, когда кто-нибудь перехватит у меня нить разговора.

Но, к сожалению, никого рядом не было, а сама я справлялась довольно скверно. Если бы здесь оказалась Слоан, она бы точно нашлась с ответом… Сказала бы что-нибудь смешное, остроумное, женственное, и тогда я бы тоже вставила пару слов, отмочила бы какую-нибудь шутку – на это я способна только в присутствии подруги.

В одиночестве я терялась. Господи, да за все эти годы я обмолвилась максимум парой слов с Фрэнком Портером – и вот теперь мы стоим тут и обсуждаем размер моей обуви. Причем этот пресловутый размер не был приятной темой для обсуждения: я всегда стыдилась своих слишком больших стоп. «Это потому, что ты высокая, – всегда утешала меня Слоан с уверенностью девушки с миниатюрными ножками. – Будь у тебя стопы меньше, ты бы просто постоянно спотыкалась».

– Девятый, – наконец выдавила я, утаив, что на самом деле размер девять с половиной. В конце концов, зачем эта информация Фрэнку?

Он пожал плечами.

– Немножко промахнулся. Ну, я еще только учусь.

Будь рядом со мной Слоан, я бы ответила что-нибудь – например, «еще научишься» или «да ладно тебе». Но Слоан не было, так что я просто отвела глаза и попробовала отыскать брата в очереди к скалодрому – просто убедиться, что он в порядке и я могу уходить.

– Портер!

Мы одновременно обернулись на оклик. Это был Мэтт Коллинз из нашей школы – я знала его много лет, но, кажется, никогда с ним не разговаривала до сих пор. Мэтт, одетый в форменную футболку, как у Фрэнка, и красный пластиковый шлем, качался на одном из канатов, свисавших с потолка, то и дело отталкиваясь ногой от стены, чтобы покрутиться.

– Портер, мы же вечером едем во Фруктовый сад? Ты не забыл?

Фруктовым садом назывался настоящий сад у нас за городом – правда, заброшенный. Этот участок земли сейчас стоял без хозяина и был всеобщим любимым местом для пикников, особенно летом. Он был очень удобно расположен: на границе между Стэнвичем и Хартфилдом, соседним городом – так что полиция ни отсюда, ни оттуда в сад не заезжала – говорили, что она просто не разобралась, под чью юрисдикцию это место попадает. Я там бывала несколько раз – в основном этой весной. Мы ездили двумя парами – Слоан с Сэмом и я с Гидеоном. Упоминание о Фруктовом саде вызвало у меня яркую ассоциацию: я сижу рядом с Гидеоном, вертя в руках бутылку пива и мучительно думая, о чем бы с ним заговорить.

Фрэнк кивнул, и Коллинз – хотя его звали Мэтью, все, включая учителей, всегда называли его по фамилии – усмехнулся.

– Ага, крутые парни сегодня вечером оттягиваются на природе вместе с девчонками!

Женщина лет тридцати, которая взбиралась неподалеку по скалодрому, слегка поморщилась, услышав последнюю реплику Коллинза, но он только улыбнулся еще шире и крикнул ей:

– Хотите с нами скататься?

Фрэнк только вздохнул, неодобрительно качая головой.

– Ладно, – выдавила я, разворачиваясь к выходу.

Беккета в очереди я не разглядела, но не сомневалась, что он в порядке, а подыскивать слова для разговора с Фрэнком я уже совсем утомилась. И вообще потратила здесь столько времени, вместо того чтобы ехать на Стэнвич-авеню…

– Мне пора…

С этими словами я направилась к выходу, надеясь, что Фрэнк не захочет продолжать разговор со мной после того, как узнал, что я не клиентка.

– Счастливо, – кивнул Фрэнк, прихватив под мышку слишком маленькие ненужные кроссовки. – Рад был тебя ви…

– Хей-хо! – спрыгивая с каната, во Фрэнка врезался Коллинз, едва не сбив моего собеседника с ног.

На Коллинзе был шлем, но это не особо прибавляло ему роста: все равно он оставался на голову ниже Фрэнка и даже слегка ниже меня.

– Коллинз! – укоряюще вздохнул Фрэнк, помогая другу подняться.

– А это кто? О чем вы тут беседуете? – Коллинз быстро окинул меня взглядом. Он был крепко сложенным парнем, русым, круглолицым и курносым. – Эй, а я тебя знаю! Где твоя неразлучная подружка? Тебя зовут Эмма, так?

– Эмили, – поправил его Фрэнк. – Эмили Хьюз. – Я пораженно взглянула на Фрэнка: подумать только, он знает мою фамилию! – Коллинз, а что ты здесь делаешь, если твоя задача – следить за скалодромом?

– Фрэнк такой, – Коллинз хлопнул приятеля по плечу. – В смысле я тут работаю уже месяц, а он – всего две недели, но уже указывает всем, что нужно делать. Настоящий босс!

– Не отвлекайся, – настаивал Фрэнк, но Коллинз только отмахнулся.

– Да там у всех все в порядке. Лазают себе вверх-вниз. К тому же я как раз очень внимательно за всеми слежу, поэтому, заметив, как вы тут воркуете, захотел присоединиться. Так о чем это мы? Ты пришла полазать?

Не дожидаясь моего ответа, он выхватил у Фрэнка из-под мышки кроссовки и быстро прикинул размер.

– Не подойдут. У тебя ноги больше – я думаю, девять с половиной.

Я опустила голову, так что волосы на миг закрыли лицо, спрятав покрасневшие от неловкости щеки. Что мне надо ответить? Разве люди обязаны отчитываться в том, какой у них размер обуви? Но если я промолчу, Коллинз может заставить меня померить эти кроссовки, которые на меня не налезут, и все вокруг непременно обратят на нас внимание и будут смеяться… Я сделала еще один шаг в сторону спасительного выхода – и тут услышала ужасный крик, заглушивший и голоса, и музыку. Мы трое резко развернулись – кричала та взрослая женщина на скалодроме, которая хмурилась на шуточки Коллинза. Она повисла на страховочном тросе, указывая на самый верх стены, где радостно разгуливал мой братец.

– Ах ты черт, – выдохнул Коллинз. – Как этот пацан туда забрался? И какого хрена он без страховки и без шлема?

Я не успела произнести ни слова, а Фрэнк и Коллинз уже бросились к скалодрому, так что мне оставалось только побежать за ними. Внизу уже собралась целая толпа, большинство скалолазов спускалось вниз, освобождая сотрудникам дорогу.

– Эмили! – Беккет радостно помахал мне с высоты. – Смотри, куда я залез!

Фрэнк и Коллинз одновременно повернулись ко мне. Я нервно сцепила руки за спиной.

– Ребята, это мой брат.

Я мучительно пыталась придумать, что бы еще сказать, как объяснить эту выходку, но на ум не приходило решительно ничего.

– Как его зовут? – спросил Коллинз.

– Беккет. Я уверена, что не стоит волноваться. Он просто…

– Бакет? – переспросил Коллинз и закричал, не дожидаясь ответа: – Эй, Бакет! Спускайся немедленно! Только сперва надень шлем! Нет, стоп, сначала пристегни страховку, потом надень шлем и немедленно спускайся к нам! Ты понял?!

Беккет недоуменно смотрел сверху вниз на собравшуюся толпу. Потом перевел взгляд на меня. Я молчала, сделав как можно более суровое выражение лица, которое должно было убедить его немедленно послушаться.

– Ну ладно, сейчас, – он разочарованно пожал плечами и взялся за страховочный трос.

Собравшаяся внизу толпа испустила общий вздох облегчения и начала рассасываться. Скалолазы опять начали подниматься на стену, велосипедисты потянулись к велодрому.

– Видишь, все хорошо, – Коллинз помахал моему брату, который наверху застегивал ремешок шлема.

– Вот именно за этим ты и должен был следить, – укоризненно заметил Фрэнк товарищу и направился к скалодрому.

– Но он же уже спускается, – возразил Коллинз – Беккет уже нащупывал ногой первую зацепку на пути вниз. – Тебе незачем за ним подниматься.

Но Фрэнк то ли не слышал этой реплики, то ли намеренно ее проигнорировал, но начал подниматься к Беккету, хватаясь за зацепки.

– Охо-хо, – встревоженно вздохнул Коллинз, хмуря брови.

– Да правда все в порядке, – вмешалась я. – Мой брат отлично лазает, постоянно забирается куда-нибудь повыше.

– Я не о Бакете волнуюсь, – отозвался Коллинз. – Я о Портере.

Я пригляделась. Фрэнк уже поднялся до середины скалодрома, легко перехватывая зацепки. Он выглядел уверенным.

– Но почему?

Коллинз снял шлем и вытер пот со лба. Волосы у него были мокрыми и прилипли ко лбу.

– Портер боится высоты.

Я огляделась – этот клуб был просто битком набит высотными аттракционами: снаряды для того, чтобы карабкаться вверх или прыгать сверху вниз, скалодром и много чего еще… Как бы повежливее спросить, почему Фрэнк выбрал работу в подобном месте?

– Но тут… но ведь…

– Знаю, – вздохнул Коллинз. – Мой дядя то же самое сказал, когда Портер пришел сюда устраиваться. Зато в пейнтболе Портеру нет равных, – заметил он, хотя я уже трижды успела пожалеть, что завела этот разговор. – И на велодроме он просто чемпион. К тому же он очень собранный, мы ему доверили банковские счета – я в этом вообще не разбираюсь, у меня получалось из рук вон плохо.

Я кивнула – в это нетрудно было поверить.

– Но вот страх высоты – это его слабое место, – вздохнул Коллинз, качая головой.

– Тогда зачем он туда полез?

– Потому что это Фрэнк Портер, – с горечью ответил его товарищ. – Капитан Ответственность.

Я смотрела, как Фрэнк поднимается все выше и выше, он уже почти добрался до верха. Мне казалось, что он хорошо держится и двигается уверенно, – но тут, потянувшись к очередной зацепке, парень взглянул вниз. И замер на месте с вытянутой вверх рукой.

– Я же говорил, – тихо сказал Коллинз, явно не испытывая никакой радости от собственной правоты.

Фрэнк тем временем неподвижно висел на стене скалодрома.

– И что дальше? – прошептала я с таким чувством, словно наблюдаю картину, которую мне видеть вовсе не следовало.

– Иногда у него получается взять себя в руки. В остальные разы кто-нибудь приносит большую лестницу из кладовой.

– Ох… – я смотрела, не в силах отвести глаз.

Совершенно ясно, что виной происходящему был Беккет – то есть, с точки зрения Фрэнка Портера, не он, а я.

– Ну да, – с мучительной гримасой подтвердил Коллинз.

Беккет тем временем оказался на одном уровне с Фрэнком и сказал ему что-то, чего я не расслышала. Он все продолжал спуск и был уже ниже Фрэнка, который так и застыл на месте.

К группе наблюдателей присоединился Даг с ресепшена.

– Лестницу? – спросил он у Коллинза, который кивнул в ответ.

– Да, похоже на то.

Но уже секундой позже Беккет сменил направление и снова полез наверх, к Фрэнку. Похоже, он опять ему что-то сказал, на что Фрэнк покачал головой. Но мой братишка не уходил и продолжал говорить, и после долгой паузы Фрэнк наконец оторвал руку от зацепки, слегка переместившись вниз. Беккет закивал, сполз еще чуть пониже – и так и двигался рядом, указывая Фрэнку на нужные зацепки для ног. Еще небольшая пауза – и Фрэнк спустился на два уровня ниже. Мне было ясно, что происходит: мой десятилетний брат помогает работнику «Экстрим-клуба» спуститься со скалодрома. Я только надеялась, что все остальные ничего не поймут.

– Отлично, – с облегчением сказал Коллинз, наблюдая за этим спуском – медленным, но верным. – Твоему братцу случаем не нужна работа у нас?

– Ха-ха, – невесело отозвалась я, с замиранием сердца наблюдая за спуском.

Выдохнуть с облегчением мне удалось, только когда ноги Беккета коснулись пола, при этом он продолжал указывать нужные зацепки Фрэнку и подбадривать его. Наконец тот спустился, едва не свалившись с последнего метра, и, когда он развернулся к нам, лицо его было почти такого же красного цвета, как шлем на голове.

– Портер! – приветствовал его Коллинз. – Ты просто идиот! Я уже думал идти за лестницей и снимать тебя, как кота с дерева!

Взволнованный друг, которого я видела несколько секунд назад, исчез, уступив место Коллинзу, знакомому мне по школе. Тому самому парню, который отмачивал шуточки и постоянно пробовал пригласить на свидание самых популярных девчонок, причем всегда на людях и так, чтобы смутить их посильнее.

– Беккет! – я окликнула брата, жестом подзывая его к себе.

Он кивнул, отстегнул страховку и поднял руку, чтобы дать пять Фрэнку, – тот ответил на это приветствие без особого энтузиазма. Теперь, когда оба стояли на полу, я буквально физически ощущала волны смущения и неловкости, исходившие от Фрэнка.

Беккет подошел, и я быстро ухватила его за воротник, не желая, чтобы он опять что-нибудь устроил – например, помчался карабкаться на хафпайп.

– Мы пошли. До встречи, – бросила я Коллинзу – скорее по привычке, чем из намерения действительно с ним встретиться в ближайшее время.

– Ага, пока, – отозвался он – тоже, судя по интонации, чисто из вежливости – и пошел к Фрэнку, который все еще стоял у скалодрома. Проводив его взглядом, я недовольно посмотрела сверху вниз на брата, которому хватило совести хотя бы принять виноватый вид.

– Извини, – вздохнул он. – Просто хотелось посмотреть на все это с высоты…

– Мы уходим, – я потащила его к выходу.

Беккет упирался и заговорил быстро-быстро, надеясь сменить мой гнев на милость.

– Необязательно же сразу уходить. Я просто больше не подойду к скалодрому, ладно? Можно, я хоть по хафпайпу прокачусь?

Я была непреклонна. На скамейке возле кассы мрачный Беккет сменил скалолазные кроссовки на обычные. Мне самой не нравилось, что мы уходим: для меня это значило еще одну отсрочку в выполнении пунктов из списка Слоан. Но у меня было стойкое подозрение: не уведи я сама брата, его отсюда просто выставят, что будет, конечно, очень унизительно. Я передала кроссовки Беккета Дагу, и тот принял их, не отрывая глаз от книжки. «Убийца ворон» – прочитала я на обложке, на которой была изображена злая птица, пикировавшая прямиком на пылающий меч.

– Ну Эмили, – ныл Беккет.

Я в ответ только покачала головой. В гробовом молчании мы вышли из клуба и направились к машине. Я была непреклонна и не собиралась идти у брата на поводу. Обычно мы с братишкой отлично ладили. Возможно, причиной тому была семилетняя разница в возрасте: мы никогда не соперничали за родительское внимание, и я чувствовала себя скорее нянькой, чем сестрой. Но сейчас я была полностью уверена в своей правоте. К тому же вокруг не было никого, кто мог бы ее оспорить, ведь родители всецело растворились в новой пьесе. Я вставила ключ в зажигание, но не повернула его, пока не поймала взгляд брата, который мрачно сидел рядом скрестив ноги.

– Бек, так поступать недопустимо. – Я даже задумалась, уж не лучше было бы, если за все время, что он изображает из себя ниндзя, Беккет хоть раз бы навернулся и получил травму: это научило бы его осторожности. – Так рисковать собой нельзя. Мне плевать, что дома ты привык лазать где попало. Вокруг были другие люди. Ты мог покалечиться, мог покалечить кого-нибудь еще. Это называется безответственное поведение.

Я наконец завела мотор, нажала на газ и поехала в сторону дома. Беккет не отвечал, уставившись на свои кроссовки. Я понимала, что он страшно злится и, скорее всего, будет молчать всю дорогу, так что, когда он вдруг подал голос, я даже удивилась.

– Но ведь я не покалечился. Ни я, ни кто-то другой. Я просто хотел увидеть клуб сверху, это было очень круто. И как это, по-твоему, называется?

Я покачала головой, понимая, как ошибочны его доводы, но не стала ничего объяснять.

– Ты просто…

– Знаю, знаю. Надо быть осторожнее и все такое, – протянул Беккет, пока я парковалась у дома. И немедленно доказал обратное, потому что отстегнул ремень и выпрыгнул из машины раньше, чем я заглушила мотор. – Ладно, я к Аннабель. Увидимся вечером.

Он громко хлопнул дверцей и помчался по дорожке. Аннабель жила в другом конце квартала, и половину прошлого лета они с Беккетом провели, прокладывая новые короткие маршруты между нашими домами, причем

взрослым о них не сообщали.

Я проводила брата взглядом и снова взялась за телефон. Рука сама нажала кнопку, чтобы позвонить Слоан, – я не сразу осознала, что делаю. Сбросив звонок, я все же успела услышать, как сработал автоответчик. Это сообщение голосовой почты я слышала не меньше тысячи раз, да что там, оно было записано, когда мы вместе гуляли по городу. В самом конце записи можно было различить мой смех. Я бросила телефон на пассажирское сиденье – специально подальше, чтобы не хвататься за него каждую минуту. Мне всегда было трудно по-настоящему пережить какое-то событие, поверить в него, пока я не расскажу обо всем Слоан. За время нашей дружбы у меня выработалась стойкая привычка переживать с ней заново любой значимый эпизод, разбирая его в мельчайших подробностях. Если бы Слоан была здесь, я бы рассказала про то, как странно, что Фрэнк Портер работает в «Экстрим-клубе», и про Коллинза, и про их совместные планы на вечер…

Внезапно я кое-что поняла. Взглянув на окна своей комнаты, я стала вспоминать список, лежащий в ящике стола. Теперь ясно, что Слоан имела в виду в пункте номер 12! Это не просто какой-то абстрактный сбор фруктов. Подруга хотела, чтобы я съездила во Фруктовый сад.

Я дождалась десяти вечера. К этому времени Беккет обычно уже спал, а родители запирались у себя в студии. Привычка вести себя определенным образом во время работы над пьесами, которую я отлично помнила с прошлого раза, вернулась, и теперь их режим выглядел так: целый день они работали в столовой, при этом забывая пообедать, а к вечеру поднимались в студию, чтобы там вместе перечитать готовые отрывки и распланировать завтрашний день.

Последний раз, когда это происходило, мне было тринадцать, и никаких самостоятельных планов на вечер у меня не было, так что я даже не понимала, как может быть удобен такой родительский распорядок. Теперь все изменилось. В последний год у меня была строгая договоренность возвращаться домой к определенному времени, и Слоан, которую ничем подобным не ограничивали, придумала сто и один способ избегать «комендантского часа». Теперь же, когда мои родители были поглощены своими делами, этот режим существовал скорее в теории, чем на практике. Однако на всякий случай я нацарапала записку и оставила ее в кухне около телевизора: если родителям взбредет в голову меня искать, по крайней мере, они не побегут звонить в полицию.

Я быстренько собралась: натянула джинсы вместо шортов, провела по губам помадой и прихватила с собой свитер на случай, если будет прохладно. Затем еще раз пробежала глазами список. Непонятным был не только пункт про яблоки, который сложно было назвать вызовом или приключением, потому что мне уже случалось бывать во Фруктовом саду прежде. Последний раз мы ездили туда вместе как-то ранним вечером – за неделю до того, как я уехала, а вернувшись, обнаружила пропажу Слоан. Мы захватили с собой молочные коктейли: ванильный для меня, кофейный для нее – и несколько часов провалялись прямо на столах для пикника. Весной мы тоже несколько раз туда заезжали, обычно по вечерам, но иногда и днем, когда просто хотели посидеть в тихом приятном месте наедине, болтая обо всем на свете.

Я не включала фары, пока не выехала на улицу, хотя видела, что занавески на окнах родительской студии плотно задернуты. Оказавшись на улице и убедившись, что мой телефон молчит и не взорвется звонками с расспросами, где я и куда собралась, я поняла, что побег удался.

Я зажгла фары и включила музыку – альбом Люка Брайана, который скачала еще месяц назад, но до сих пор не послушала. Впереди ждал Фруктовый сад. Половина треков уже отыграла, когда я свернула с шоссе на боковую дорожку, которая должна была привести меня к цели. Дома по сторонам улицы попадались все реже и наконец совсем закончились, теперь я ехала по пустой дороге, высматривая едва различимый узкий съезд к Фруктовому саду. Мне пришлось замедлить ход: въезд был таким незаметным, что его легко было пропустить. Вглядываясь в темноту, я заметила выцветшую табличку и узенькую подъездную дорожку, засыпанную щебенкой. Включив поворотник на всякий случай (других машин вроде бы не было), я остановилась на секунду взглянуть на знак. Он почти затерялся в сильно разросшихся кустах на обочине дороги и так потускнел и облез от времени и дождей, что едва читался. Прежде чем продолжить путь, я опустила глаза и взглянула на правое запястье.

Март. Три месяца назад

– Мы почти на месте, – сказала Слоан, разворачиваясь с переднего сиденья, чтобы показать мне рукой. – Видишь дорожку?

– Поверить не могу, что ты никогда не была во Фруктовом, – воскликнул Сэм, который был за рулем, и название местечка он явно произносил с большим уважением.

– Подумаешь, я тоже не была, пока мы с тобой не съездили в прошлом месяце, – вступилась за меня Слоан.

В ее голосе послышались нотки смеха.

– Но Эмили здесь давно живет, она могла и без тебя скататься, – возразил Сэм.

Слоан снова обернулась и едва заметно подмигнула мне. Мы обменялись чуть заметными улыбками: обе знали, что без нее я бы сюда в жизни не добралась. Просто не хотелось спорить с Сэмом и что-то ему объяснять.

Слоан приподняла брови и улыбнулась пошире. Мне не составляло труда понимать ее знаки – она спрашивала: «Тебе же тут нравится? Правда, тут здорово? Ты вообще в порядке?».

Я улыбнулась в ответ. Последнее, чего бы мне хотелось, – так это испортить ей вечер, который подруга так давно планировала. Слоан расслабилась и опять развернулась к Сэму, а затем провела ладонью по его кудрявым волосам.

Мы с Гидеоном сидели на разных концах заднего сиденья – полная противоположность обнимающейся парочки впереди. Я прижималась боком к двери, хотя места было предостаточно, потому что ехали мы в здоровенном внедорожнике, и между нами можно было бы втиснуть еще несколько человек. С Гидеоном мы познакомились всего пару часов назад.

Слоан уже как-то заговаривала со мной о нем, еще до того, как они с Сэмом стали встречаться. «Не нужно никаких ярлыков, ты же знаешь, я это ненавижу», – уклончиво отвечала она на мои осторожные вопросы о том, что происходит между ней и Сэмом. Их отношения с каждым днем становились серьезнее, и по мере того, как они крепли, я слышала все больше и больше о Гидеоне, лучшем друге Сэма, одиноком, как и я. Вот было бы здорово, если бы…

Слоан была достаточно тактична, чтобы не выглядеть навязчивой, но я всегда слышала надежду в этих ее рассуждениях. Однажды я наконец согласилась, что из этого может что-то получиться, – и вот результат: я сижу на заднем сиденье джипа рядом с Гидеоном, накрашенная ярче обычного, и мы все вместе отправляемся в какой-то Фруктовый сад.

Гидеон занимал много места: он был высоким, широкоплечим, с крупными ногами и руками. Когда час назад мы заехали перекусить в придорожное кафе и Слоан таскала картошку фри с тарелки Сэма, я спросила Гидеона, не занимается ли он спортом. Он выглядел атлетом – его фото легко было представить на сайте Стэнвичского университета с клюшкой для лакросса[8 - Спортивная игра, цель которой – с помощью клюшки с длинной рукояткой и сеткой на конце забросить мяч в ворота соперника.] на плече. В ответ он только откусил еще кусок бургера, вдумчиво прожевал, запил колой, вытер губы салфеткой и наконец изрек: «Нет». На этом беседа была окончена.

– Что это значит? – вздохнул Сэм, притормаживая.

Я наклонилась вперед и увидела длинную очередь машин, медленно тянувшихся к узкому въезду.

– Это значит, что мы оказались в правильном месте в правильное время, – отозвалась Слоан, и по ее голосу было слышно, как она счастлива.

Счастлива, что мы сюда приехали, счастлива быть рядом с Сэмом, счастлива, что на заднем сиденье сижу я – и не одна, в роли третьего-лишнего, а в компании хорошего парня.

Мы медленно ползли к входу в веренице автомобилей, Сэм барабанил пальцами по рулю. Я посмотрела на Гидеона, лихорадочно думая, о чем бы с ним поговорить, и тут увидела табличку. Она была со стороны парня, и я слегка подалась к нему, чтобы лучше рассмотреть. Снаружи было уже темно, но в голубоватом свете фар джипа – очень ярких, не то что свет старых фар моей «вольво» – можно было ясно все разглядеть.

– Люди, смотрите! – я указала на табличку, и собственный голос показался мне слегка хриплым: я впервые заговорила с тех пор, как мы сели в машину.

Все оглянулись, кроме Сэма, который просто дернул плечом.

– Этот знак здесь всегда был. Висит с тех пор, как тут был настоящий фруктовый сад и торговали его плодами.

Я еще чуть придвинулась к Гидеону, чтобы лучше рассмотреть. Знак сильно выцвел, но когда-то наверняка был очень ярким.

«Фруктовый сад Килмера!» – кричали крупные буквы. «Продажа яблок, персиков, вишен. Сезонные ягоды! Домашние пироги!» Ниже красовалась картинка с двумя вишенками на одной веточке. У них были лица, широкие улыбки и глаза, поднятые вверх, к надписи. Слова на знаке, теперь никому не нужные, рекламирующие товары, которые уже давно никто не продавал, показались мне грустными. Видно было, что табличку нарисовали от руки, а не заказывали у профессионалов: вишенки были несколько кривыми, и от этого становилось еще печальнее.

– Что такое? – спросила Слоан.

Она смотрела прямо на меня и ясно видела: что-то пошло не так.

– Да просто… эта табличка, – попыталась я объяснить, понимая, как глупо это звучит. Если бы тут были только мы со Слоан, она бы тут же все поняла, но присутствие парней меняло дело. – Сама не знаю, – я выдавила деланый смешок. – Просто… она мне показалась грустной, вот и все.

Слоан уже открыла рот для ответа, но Сэм, смеясь, перебил ее.

– Эмили, это же просто дурацкий знак, повешенный фермером.

– Я знаю, – я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно естественней. – Не обращайте внимания.

Сэм наклонился и что-то тихо шепнул Слоан. Глядя на темные деревья, скользившие за окном машины, я жалела, что вообще открыла рот, – и тут кто-то прикоснулся к моей руке.

От неожиданности я чуть не подпрыгнула на месте: это был Гидеон. Он отстегнул ремень, придвинулся ко мне и, слегка улыбаясь, взял меня за руку.

Он же весь вечер держался от меня в стороне – зачем ему сейчас так поступать? Я не знала, что и сказать, а он тем временем вытащил из кармана маркер и вопросительно указал на мою ладонь, спрашивая разрешения. Я кивнула в ответ, просто потому, что совершенно растерялась. Он снял с маркера колпачок и начал что-то писать у меня на запястье. Прикосновение стержня было приятным, щекочущим и легким. Я попробовала наклониться, чтобы разглядеть, что рисует Гидеон, но он слегка развернул мое запястье – так, чтобы мне не было видно. Я никак не могла понять, что происходит, и радовалась, что Слоан и Сэм на передних сиденьях поглощены друг другом: не хотелось, чтобы они обратили на нас внимание.

Гидеон низко склонился над моей рукой, а я разглядывала его плотные темные волосы, совсем коротко стриженные, и большие руки – при желании он мог бы обхватить двумя пальцами мое запястье. Машина слегка подпрыгнула на кочке, и я – вместе с ней, едва не ударив рукой Гидеона по лицу. Парень отклонился, и я виновато улыбнулась. Он подождал пару секунд, придерживая мое запястье в ожидании, не будет ли снова кочек, и вернулся к своему занятию. Наконец Гидеон закончил, выпрямился и аккуратно закрыл маркер колпачком – как раз в тот момент, когда Сэм припарковал машину.

Я поднесла руку к глазам, чтобы посмотреть, над чем он трудился. На запястье красовалась пара вишенок с таблички! Гидеон оказался более талантливым художником, чем автор знака, и ему удалось сохранить на рисунке характерную легкую кривизну ягодок. Одна вишенка говорила что-то – ее слова виднелись в бабле, и я подняла руку еще выше, чтобы их рассмотреть.

«Не волнуйся, Эмили! Нам совсем не грустно!»

Я улыбнулась, проведя пальцами по мелким изящным буковкам, и посмотрела на Гидеона, который все еще сидел рядом.

– Спасибо.

Сэм заглушил мотор, в машине загорелся свет, и я смогла рассмотреть Гидеона получше. Он сразу смутился, ссутулился и отодвинулся на свою половину

сиденья. Но, прежде чем свет снова погас, я успела заметить, как он улыбнулся мне в ответ.

* * *

Припарковавшись на том же месте, где и в прошлый раз, я оглядела Фруктовый сад, который выглядел точно так же, как и в последний мой приезд. Огромное открытое пространство, поросшее травой, примятой колесами многочисленных автомобилей и людскими ногами. Народ парковался как попало, а потом тусовался за столиками для пикника, расположенными кругами, – они остались здесь от прошлой жизни Фруктового сада. От нее же осталось и несколько лестниц, прислоненных к деревьям, но почти у каждой не хватало пары-тройки ступенек, и карабкаться по ним решались только самые храбрые или самые пьяные. Я не раз видела, как у кого-нибудь под ногой с хрустом ломалась ступенька и он оказывался на земле. Иногда тут устраивали общие посиделки с большими бочонками пива, но чаще всего каждый запасался выпивкой и закусками на свою компанию. Кроме того, здесь всегда можно было найти того, кто втридорога продавал баночное пиво, недостаточно охлажденное, даже несмотря на то, что оно хранилось в сумках-холодильниках. Но все же это было лучше, чем ничего.

Похоже, я приехала достаточно рано: случались вечера, когда на парковке яблоку было негде упасть, и люди оставляли машины еще на подъезде к повороту. Негласные правила Фруктового сада гласили, что парковаться надо как минимум за полмили от съезда, чтобы не привлекать особого внимания полиции.

Подъехал открытый автомобиль, битком набитый народом, и встал рядом со мной. Я не заметила ни одного знакомого среди вновь прибывших, однако некоторые из них, выходя из машины, внимательно меня рассматривали. Мне было неприятно, что незнакомцы пялятся на меня, я отвернулась – и внезапно поняла, что именно я сделала не так. Мне так не терпелось выполнить задание Слоан, что я приперлась в эту мекку городских тусовок в одиночестве. Единственными, кто заявлялся сюда в одиночку, были самые разнузданные стэнвичские студенты – парни, которые приезжали подцепить себе девчонку на вечер.

Заглушив наконец мотор, я откинулась на сиденье. Пока я читала список и планировала сегодняшний вечер, все представлялось так же, как если бы Слоан была вместе со мной, – но ее не было. Я прикатила во Фруктовый сад совершенно одна и абсолютно не представляла, что буду здесь делать. Поляна была полна народа, со всех сторон слышались гулкое уханье музыки, веселый смех. Вокруг были сплошь компании друзей. И как мне теперь себя вести?

С другой стороны от меня тоже припарковалась машина, и я быстро схватилась за телефон, притворяясь, что читаю сообщение, пока не поняла, что из автомобиля никто не собирается выходить – напротив, парочка на передних сиденьях начала неистово обжиматься.

Это была последняя капля – я выскочила из машины, громко хлопнув дверцей, борясь с желанием немедленно отсюда уехать. В конце концов, я здесь отметилась, выполнила пункт из списка, а дальнейших инструкций Слоан мне не оставила. Конечно, было очевидно, что подруга совсем не это имела в виду. Но вот что? Потому что, если я собираюсь выполнить этот пункт, нужно сделать все правильно. Глубоко вздохнув, я шагнула вперед, потом еще раз, буквально заставляя себя переставлять ноги и понятия не имея, куда при этом девать руки.

Прежде мне не приходилось появляться в подобных местах в одиночку. Мы со Слоан последние два года были не разлей вода, и такие авантюры ей всегда удавались особенно хорошо. Она совершенно не боялась приезжать в незнакомые места, общаться с людьми, которых видела впервые, и все это получалось у нее так легко, что у меня не было необходимости делать что-то самой. А до ее появления в городе я ходила на тусовки только с компанией приятельниц.

Приближаясь к поляне, я не могла унять волнение, понимая, что мне тут нет места. Здесь собралось, наверно, человек сорок, некоторых я знала в лицо – по большей части это были ребята из колледжа, но и нескольких стэнвичских студентов я тоже успела заметить (смутно помнила их по вечеринкам, на которые ходила с Гидеоном, Слоан и Сэмом). Шумные компании сидели и на стульях, и прямо на столах для пикника, все болтали с друзьями и смеялись. Я была единственной, кто бесцельно слонялся в одиночестве.

Немного подальше от центра, среди деревьев, располагались парочки – кто беседовал, кто обнимался. Возле одного из столов парень с сумкой-холодильником и стопкой пластиковых стаканчиков торговал пивом в розлив. К

нему постоянно кто-то подходил и отходил уже с наполненным стаканчиком. Может, и мне туда подойти? Хоть какое-то развлечение! А дальше что? Я была уверена, что на меня все смотрят, физически ощущая на себе взгляды окружающих. Все видят, как я стою не у дел, никому не нужная и одинокая. Возможно, меня принимают за наркоманку.

Я чуть не плакала. Пытаясь придумать хоть что-то, я засунула руки поглубже в карманы джинсов и принялась оглядываться, делая вид, что ищу друга, с которым договорилась встретиться, компанию, которая меня ждет. Тут-то я и заметила Коллинза – он стоял, облокотясь на лестницу, в позе, которая, вероятно, казалась ему изысканной, и беседовал с Келли Двайер – одной из самых популярных и красивых девушек Стэнвичской высшей школы. Такая красотка была явно ему не по зубам. Келли, судя по всему, скучала и хотела уйти, кивала и потихоньку отодвигалась от собеседника, а он, похоже, этого упорно не замечал.

За соседним столиком сидел Фрэнк Портер в компании своих школьных товарищей, которых я толком не знала, – все они были целеустремленными отличниками. Я быстро отвернулась, надеясь, что никто из них меня не заметил: вдруг Фрэнк или Коллинз решат, что я навязываюсь им в компанию, потому что подслушала планы в «Экстрим-клубе». Вместо этого я принялась рассматривать свои ступни с облезлым лаком на ногтях, как будто это было самое интересное зрелище на свете. Когда я уже смогу решить, что провела здесь достаточно времени для выполнения задания, и просто уехать?

Вдруг я почувствовала руку у себя на плече. Вздрогнув от неожиданности, я обернулась – на меня смотрел Гидеон.

– Ой, – вырвалось у меня. Так странно было его здесь видеть, особенно после того, как я весь вечер о нем думала. Оставалось только надеяться, что по моему лицу это никак не заметно! Поняв наконец, что невежливо так вот стоять и молчать, я быстро добавила: – В смысле привет. Как твои дела?

– Нормально, – Гидеон слегка улыбнулся и после короткой паузы добавил: – Рад тебя тут видеть, Эмили.

– Я тебя тоже, – ответила я и тут же задумалась, правда ли это.

С одной стороны, наконец-то мне нашлась хоть какая-то компания и я теперь не выглядела так глупо. А с другой – мне не особенно хотелось разговаривать с Гидеоном, особенно после того, как мы с ним расстались.

Он ничуть не изменился с того майского вечера, когда между нами все закончилось. Пока мы проводили вместе каждые выходные, я успела привыкнуть к его росту – но с тех пор я его не видела пару месяцев и снова поразилась, какой же он высокий. Синие глаза были такими же непроницаемыми. Волосы аккуратно подстрижены. Надо же, он решился первым ко мне подойти! Если бы я заметила его раньше, то никогда бы так не поступила. Более того, знай я, что его встречу, ни за что не поехала бы сюда. Должно быть, у меня был такой несчастный и одинокий вид, что он решил прийти мне на помощь!

– Э-э-э, – сказала я после затянувшейся паузы, поняв, что Гидеон намерен молчать. – Ну… расскажи, как твоя жизнь.

– Хорошо, – ответил он и снова замолчал.

Гидеон никогда не был мастером непринужденной беседы и совершенно не умел поддерживать разговор. Ответ на каждый ерундовый вопрос он обдумывал, а затем отвечал так подробно, будто это был вопрос жизни и смерти, и от меня ожидал того же. Я понадеялась, что за время разлуки он все же научился отвечать просто, но, похоже, ошибалась.

– Я в порядке, – промычал он наконец после долгого молчания. – Сэм тоже хотел сегодня приехать, так что…

Я проследила за его взглядом – и увидела Сэма. От одного его вида мне стало нехорошо. Он стоял, облокотившись на столик, на котором сидела девушка. Девушка, улыбаясь и живо жестикулируя, рассказывала ему что-то, а он рассеянно кивал, подняв одну бровь. Почему я сразу не догадалась, что он тоже будет здесь вместе с Гидеоном? Они же неразлучны, особенно на таких тусовках. Прежде чем я успела отвернуться, Сэм заметил меня. Наши взгляды встретились, сердце бешено забилось. Наконец я опустила глаза, по-прежнему чувствуя на себе его взгляд. Меня охватила паника. Что делать, если придется с ним заговорить? Это выше моих сил! Но когда я снова подняла голову, увидела, что он отвел глаза и снова изображает интерес к девушке напротив него. Можно было расслабиться. Конечно, он не пойдет ко мне здороваться, он всегда был

нерешительным.

– Эмили! – Гидеон смотрел на меня, высоко подняв брови: похоже, он задал мне какой-то вопрос, который я пропустила мимо ушей.

– Извини, – быстро сказала я. – Так о чем ты?

– Да неважно, – улыбка исчезла с лица Гидеона. Он шумно вздохнул, сглотнул, и я поняла, что он нервничает. – Эмили, я…

– Извини, – я перебила его, ясно давая понять, что не хочу объяснений: что бы он ни сказал, я предпочту этого не слышать. Никаких объяснений, никаких оправданий – этот ящик Пандоры лучше держать закрытым. – Я просто… мне надо идти. Я тут… в общем, ищу одного человека.

Гидеон молча смотрел на меня, и во мне начало закипать раздражение. Половина наших разговоров с Гидеоном всегда так и выглядела: я должна была в одиночку заполнять эти бесконечные паузы и в конце концов начинала чувствовать себя как в плохой пьесе. Как будто я должна без слов понимать его и читать мысли. Мне это никогда не удавалось.

– Ладно, – наконец выдавил Гидеон.

– Пока, – я развернулась и пошла прямиком к торговцу пивом, просто потому, что не могла придумать никакого другого осмысленного направления.

Уже на ходу я поняла, что придется пройти совсем близко от Сэма: обойти его так демонстративно было бы слишком нелепо. Я старалась глядеть перед собой, но не смогла не бросить на него короткий взгляд. Девица все еще старалась развлечь его беседой, махала руками, а он смотрел куда-то в сторону и едва ее замечал. Вот что меня всегда раздражало: он редко смеялся и выглядел так, будто вы должны его развлекать. И даже когда удавалось рассмешить его какой-нибудь шуткой, я расценивала это как настоящее достижение. Отвернувшись поскорее, чтобы не встречаться с ним глазами, я сосредоточенно смотрела перед собой.

Торговец пивом тоже был с девушкой. Парочка опиралась о шаткий столик и беседовала. Ни одного из них я не знала – наверняка они из Хартфилда. Я подождала немного, но увлеченный беседой парень не обращал на меня внимания, поэтому пришлось его окликнуть.

– Одно пиво, пожалуйста.

– Пять баксов, – кинул парень, не отрывая взгляда от девушки – даже когда я вытянула из кармана мятую купюру и подала ему. Он просто указал мне на оставшиеся стаканчики, а потом – на бочонок.

– Спасибо, – взяв стаканчик, я направилась к бочонку, и как раз в этот момент девушка торговца пивом расхохоталась. Несмотря на то что я отлично понимала: ко мне ее смех не имеет никакого отношения – я покраснела до кончиков волос. Мне нечасто случалось наливать пиво из бочонка с краником, так что получилось полстакана сплошной пены. Я отпила чуть-чуть тепловатой жидкости с привкусом металла, гадая, сколько мне еще придется тут мучиться.

Час спустя мне удалось решить эту проблему. Вместо того чтобы бесцельно болтаться между дружескими компаниями, я отыскала тихое местечко под деревьями, подальше от столиков, и уселась на траву, прислонясь спиной к стволу. Мне хотелось плакать. Конечно, я знала, что Слоан со мной нет. Но так остро, как сегодня вечером, я еще ни разу не ощущала ее отсутствие. Пока я со своим стаканом пробиралась через поляну, мне встретилось несколько знакомых: некоторые кивали мне, другие просто скользили по мне взглядом, как будто без Слоан я стала невидимкой. Я старалась делать вид, что иду с какой-то целью, но на самом деле по дороге в свой тихий уголок под яблоней искусала себе все губы.

Жизнь без Слоан оказалась еще хуже, чем я думала. Вот она, реальность: я сижу под деревом со стаканом невкусного пива одна-одинешенька, в то время как все остальные смеются в компании своих друзей. Я вылила пиво под дерево и резко встала. Пора домой. Я проторчала тут достаточно времени, чтобы счесть задание честно выполненным. Неужели его смысл состоял только в том, чтобы дать мне почувствовать себя еще более одинокой и несчастной?

Я вышла на поляну – и тут же столкнулась нос к носу с двумя парнями. Сердце мое подпрыгнуло: это были Фрэнк и Коллинз.

– Привет! – воскликнул Коллинз, расплываясь в улыбке. На нем была розовая рубашка поло, казавшаяся маловатой, и длинные шорты цвета хаки. – Откуда ты взялась, Эмма?

– Ли, – поправил его Фрэнк.

– Ли? – удивился Коллинз, потом помотал головой. – Нет, слушай, не может быть.

– Я имею в виду – Эмили, – терпеливо объяснил Фрэнк. – Мы с тобой уже проходили это несколько часов назад. – Он улыбнулся мне. – Кстати, здравствуй.

– Привет, – пробормотала я. Наверное, они идут за пивом, а мне нужно к машине – так хотелось наконец остаться одной, подальше от этих никому не нужных разговоров. – Счастливо, ребята. Я уже уезжаю.

– Мы, в общем, тоже, – пояснил Фрэнк, и я поняла, что они идут со мной в одном направлении, к парковке. Почему-то меня это очень раздражало.

– А, понятно, – быстро сказала я.

Ответить на это было решительно нечего, так что мы молча шли к машинам – трое в ряд, как какая-нибудь банда в кино.

– Счастливо, ребята, – сказала я, подходя к своей «вольво», и тут же поняла, что говорила то же самое секунду назад. Но мне было уже плевать, я просто хотела домой.

– Пока, Эмма-ли, – махнул мне Коллинз, нарочно растягивая последний слог моего имени.

Он остановился перед коричневым минивэном и нажал на кнопку брелока. Задняя дверца машины отъехала в сторону. Коллинз смотрел на нее с нескрываемой гордостью, потом повернулся ко мне:

– Неплохо, да?

Я не знала, что ответить. Зачем он открыл заднюю дверь, а не переднюю – но прежде, чем я открыла рот, Коллинз махнул Фрэнку, скользнул на заднее сиденье и оттуда перебрался за руль. Дверца медленно закрылась, когда он уже тронулся с места.

Я открыла дверцу «вольво» и увидела, как буквально через несколько машин Фрэнк садится в синий пикап. Он кивнул мне на прощанье, я села за руль, запустила мотор и включила фары. Теперь, когда этот тяжелый и странный вечер наконец закончился, мне стало куда легче. Можно было пропустить Фрэнка вперед, но мне так хотелось скорее уехать, что я не стала его ждать. Я уже выкатилась на шоссе, неподалеку от таблички с вишнями, и тут машина начала замедлять ход. Я нажала на газ – но скорости не прибавилось: прокатившись еще несколько метров, машина окончательно встала. Я заглушила мотор и постояла несколько секунд, после чего снова попробовала запустить двигатель – все бесполезно: мотор чихнул и тут же заглох. В панике я смотрела на приборную панель, как будто там был ответ на происходящее, и мой взгляд упал на стрелку указателя топлива, как всегда, показывающую половину бака. Конечно, именно это и случилось. Бензин закончился.

Я на мгновение прикрыла глаза, как будто надеялась, что сейчас очнусь от дурного сна. Но нет… В спину мне светили чьи-то фары, и я поняла, что дела становятся даже хуже, чем были. Сзади подъезжал пикап Фрэнка.

Я снова вдавила педаль газа в пол – безрезультатно. Никакого секретного запасного бака у меня в машине не было. Я слышала, как позади урчит мотор машины Фрэнка. Я открыла окно и рукой просигналила ему, чтобы он меня объехал – дорога здесь была узкой, но можно было съехать в траву. Тем более что для пикапа это не представляло особого труда. Однако Фрэнк не двигался с места, как я ему ни сигналила в надежде, что он наконец уедет и позволит мне самой разобраться с проблемой. Секундой позже Фрэнк включил «аварийку» и вышел из машины.

Я закусила губу, едва не плача. Все, чего я хотела на этом свете, – как можно скорее оказаться дома. Почему это невозможно? И почему Фрэнк Портер должен стать свидетелем моего унижения? Внезапно я страшно обозлилась на Слоан. Мне совсем не хотелось сюда ехать, не хотелось всех этих проблем. Единственная причина, по которой я потащилась во Фруктовый сад, – моя подруга. Если бы она не исчезла, ничего бы не случилось.

– Эй.

Я подняла глаза – Фрэнк уже стоял у моей машины, наклонившись к окну, так что лицо его было совсем близко. Я слегка отстранилась, сжимая ключи в руке, и заметила, что вся дрожу.

– Ты в порядке?

– В полном, – я попробовала улыбнуться, мечтая об одном – чтобы Фрэнк наконец уехал и оставил меня в покое.

Парень посмотрел на меня с недоверием, словно я обидела его, делая вид, что все хорошо, когда было очевидно, что все плохо. Ну почему это оказался Фрэнк, а не кто угодно другой? Девять из десяти человек просто объехали бы меня и тут же забыли бы, но Фрэнк Портер, разумеется, не мог просто так проехать мимо и теперь явно не собирался уходить.

– Я хочу сказать, у меня кончился бензин. Но все нормально. Я разберусь.

– Ты уверена? – Сзади подъехала еще одна машина и посигналила нам; Фрэнк махнул водителю рукой, и машина объехала нас, а за ней еще две, и я в ужасе осознала, что успела создать немаленькую пробку. Фрэнк снова наклонился ко мне. – Может, отвезти тебя на заправку?

– Не надо, правда, – я отрицательно покачала головой. – Я разберусь сама. – И тут же поняла, что у меня нет ни одной стоящей идеи, как выпутаться из положения. Позвонить родителям, поднять их среди ночи и попросить за мной приехать, потому что я без их ведома укатила на вечеринку неизвестно куда? Плохая идея, очень плохая. У меня было подозрение, что звонок среди ночи, нарушающий их рабочий график, огорчит родителей куда больше, чем сам факт моей ночной вылазки. Вызвать эвакуатор? Я даже не представляла, сколько это может стоить и есть ли у меня такая сумма даже дома.

Мимо нас протиснулись еще две машины. Водитель одной из них крикнул что-то сердитое, но я не расслышала из-за рева мотора. Другой автомобиль прошел в опасной близости от моего, едва не задев.

– Поехали, – сказал Фрэнк, опираясь локтем на мое окно. – Я знаю одну заправку неподалеку. Мы быстро управимся.

Я смотрела на приборную панель, пытаясь просчитать все варианты. Как ни странно, поездка с Фрэнком на заправку казалась лучшим выходом. Мимо нас проехала еще одна машина, водитель гневно сигналил.

– Эмили! Ну так что?

– Поехали, – быстро сказала я, понимая, насколько благородно со стороны Фрэнка предложить мне помощь и как неприлично заставлять его стоять полночи, наблюдая за моими раздумьями.

Мы с Фрэнком откатили «вольво» с середины дороги на обочину, как раз под знак с вишенками, и сели в его пикап. Пристегивая ремень, я огляделась: салон красноречиво свидетельствовал, что он принадлежит парню. Не то чтобы я когда-нибудь задумывалась, как выглядит автомобиль Фрэнка Портера изнутри, но все было вовсе не так, как я ожидала. Никакой безупречной чистоты и порядка. Тут и там лежала всякая всячина. На полу у меня под ногами валялись большая цифровая камера, толстая биография Джона Леннона и бейсболка с роботом. На заднем сиденье я разглядела пару кроссовок, айфон и фирменный пакет стэнвичского магазина «Все для художника». В держателе для стакана стоял пустой пластиковый стаканчик от газировки с торчащей трубочкой, рядом лежала маленькая бумажная лягушка-оригами. Я пыталась переварить новое ошеломительное знание: Фрэнк Портер оказался живым человеком, более того, человеком совершенно незнакомым, несмотря на постоянные наши встречи в кампусе. Я ничего о нем не знала. И от этого сам факт, что он вызвался мне помочь и я сижу в его машине, поражал еще сильнее.

Фрэнк сел за руль, выключил «аварийку» и завел мотор. Автоматически включилась стереосистема – но из нее донеслась не музыка, а смех и аплодисменты. Фрэнк поспешно выключил звук, никак это не прокомментировав, а я не стала ничего спрашивать. В молчании мы выкатились на темную тихую дорогу. Фрэнк повернул направо, в противоположную от города сторону. Я даже не представляла, куда мы едем, и чувствовала огромную благодарность за то, что Фрэнк взял поиск заправки на себя.

Мы были далеко за городом, никаких домов по сторонам шоссе. Свет фар разрезал кромешную темноту. Небо было усыпано звездами – казалось, их вдвое больше, чем можно разглядеть вечером из нашего сада. Я взглянула на профиль Фрэнка, слегка подсвеченный огоньками приборной панели, потом отвернулась к окну, чтобы волнение не было так заметно. Я оказалась наедине с Фрэнком Портером, да еще и в темном замкнутом пространстве.

По правде говоря, у меня не было особого опыта общения с парнями тет-а-тет. Даже с Гидеоном мы никогда не оставались вдвоем – либо с Сэмом и Слоан, либо в какой-нибудь большой компании. Но чтобы оказаться один на один с парнем в машине на ночной дороге без единой живой души на километры вокруг, со мной и вовсе не случалось.

– Ну как ты, хорошо провела вечер? – нарушил молчание Фрэнк. Я как раз переставляла ноги так, чтобы не наступать на Джона Леннона, и поэтому не сразу отреагировала. – Если не считать проблем с машиной.

– Э-э-э, – протянула я. У машины была механическая коробка передач, но Фрэнк вел уверенно, даже не глядя на рычаг переключения. – Ну да, все было нормально.

Последнее, чего мне сейчас хотелось, – это поведать Фрэнку Портеру, как на самом деле ужасно прошел для меня этот вечер. Он кивнул, продолжая глядеть на дорогу, и я решила, что из соображений вежливости моя очередь задать вопрос. Окажись на моем месте Слоан, они с Фрэнком сейчас бы вовсю болтали и смеялись, как старые друзья, а к прибытию на заправку уже обменивались только им одним понятными шуточками. Я же просто тихонько сидела бы на заднем сиденье счастливая, иногда хихикая вместе с ними, чувствуя себя частью происходящего, под настроение вставляя слово-другое. Как же хорошо, когда кто-то поддерживает разговор вместо тебя!

– А ты? – выдавила я наконец. – В смысле ты хорошо провел время?

Даже такой простой вопрос вызвал у меня столько усилий, что я закатила глаза, злясь на саму себя.

Фрэнк прочистил горло, прежде чем ответить.

– Да, конечно. Все было отлично.

Я кивнула, решив, что на этом наша попытка разговора и закончилась, но через некоторое время Фрэнк продолжил:

– Я обычно тут не бываю. Мы в других местах отдыхаем – имею в виду себя и Лиссу, – пояснил он, как будто я и без того не знала, что означает это «мы».

Я вспомнила, что действительно до сих пор ни разу не встречала его во Фруктовом саду.

– Это Коллинз меня вытащил, ему нужна была компания, чтобы встретиться с девушкой, вот и… – он пожал плечами.

– И как, м-м, прошло свидание? – осмелилась я спросить после долгой паузы.

Что-то мне подсказывало, что оно не задалось.

– Да как всегда, – вздохнул Фрэнк, качая головой.

Я снова уставилась в окно, чувствуя облегчение оттого, что мы вроде бы поговорили достаточно и Фрэнк больше не обязан развлекать меня беседой. Он включил дальний свет, и мир вокруг стал ярче. В сплошной темноте стали различимы предметы. На дорогу выскочил опоссум и бросился наперерез пикапу.

Фрэнк ударил по тормозам. Меня тряхнуло, из-под сиденья что-то выскочило и стукнуло меня по лодыжке. К счастью, опоссум не замер от ужаса посреди дороги, а продолжил бег, так что через пару секунд он уже благополучно скрылся в кустах на другой стороне.

– Извини, – сказал Фрэнк, снова нажимая на газ, но теперь он ехал медленнее. – Ты в порядке?

– Да.

Я нагнулась посмотреть, что меня ударило: это был компакт-диск, с обложки смотрел печального вида парень под дождем, с микрофоном в руках. Дизайн

выглядел немного устаревшим. Curtis at the Commodore – гласила надпись курсивом.

Фрэнк глянул на меня через плечо, и я быстро положила диск рядом с собой на сиденье, чтобы он не подумал, что я копаюсь в его вещах.

– Извини. Это просто вылетело из-под сиденья, когда мы тормознули…

– Конечно, – Фрэнк протянул руку и переложил диск под свое собственное кресло. – Спасибо.

Он снова стал следить за дорогой, и я подумала, что увидела что-то, чего не должна была видеть. Наверное, стоило извиниться, но я не представляла, как это сделать. К счастью, впереди показались огни заправки. После темной дороги этот яркий свет напоминал мираж, заправка как будто выскочила перед нами из-под земли. Бегущая неоновая надпись в окне гласила: «Закуски, напитки, сладости».

– Я правда… – начала я, сбилась и попробовала еще раз. – То есть очень здорово, что ты знаешь это место. Действительно совсем близко.

Фрэнк кивнул и указал на деревья сразу за заправочными автоматами.

– Видишь рощицу? Это место обитания серой древесной лягушки. Владелец заправки в прошлом году хотел его застроить – расширить бизнес, добавить автомойку и магазин запчастей. Мы с Лиссой поддержали петицию о запрете расширения, и ее приняли.

Вот так история! Я была искренне рада за серых древесных лягушек, но все-таки предпочла бы приехать на какую-нибудь заправку, где ни у кого нет причин злиться на него, а заодно и на меня.

– Я быстро управлюсь, – с этими словами я отстегнула ремень и открыла дверцу.

– Я схожу с тобой, – Фрэнк тоже отстегнулся, совсем не беспокоясь, что администрация может выставить нас за двери раньше, чем мы скажем слово «бензин».

Но отказаться от его предложения было неудобно, так что мы вместе прошли к магазинчику. Фрэнк придержал для меня входную дверь.

– Спасибо, – пробормотала я невнятно и пошла к кассе, надеясь, что заодно в магазинчике найдется какая-нибудь емкость для бензина.

– Привет…

Парень за кассой поднялся со стула, откладывая брошюрку, которую держал в руке, и простой карандаш. Кажется, он решал кроссворд – несколько строчек были уже заполнены.

– Привет, – кивнул он нам с Фрэнком. Последний слегка наклонился вперед, и я поняла, что он смотрит на страницу с кроссвордом. – Чем могу помочь?

– У вас есть какая-нибудь емкость для бензина? – спросила я, без особой надежды оглядывая полки – на них были только обычные для такого киоска мелочи вроде чипсов, бутылочек с газировкой, шоколадок и журналов.

Но продавец кивнул, указывая вглубь магазина:

– Посмотрите там, у стенки.

– Спасибо! – я поспешила туда, не желая отнимать у Фрэнка Портера еще больше времени.

В маленькой секции стояли товары для помощи автолюбителям: машинные масла, воронки, насосы для накачки шин. Я нашла большую пластиковую канистру, даже слишком большую, столько бензина мне было не нужно, да я и не была уверена, что у меня хватит денег на такой объем. После покупки слишком дорогого пива в кармане оставалась всего двадцатка. Еще с собой была кредитка, привязанная к кредитке моих родителей, поэтому мне не хотелось, чтобы они узнали, что я покупаю бензин посреди ночи неизвестно где. В итоге я отыскала канистру втрое меньше первой и вернулась к кассе, где застала Фрэнка и продавца склонившимися над брошюрой.

– Ренессанс, – сказал Фрэнк, указывая пальцем, и почему-то меня совершенно не удивило, что он теперь помогает продавцу на заправке решать кроссворд.

Тот посчитал количество букв, кивнул и стал заполнять сетку.

– Теперь обратно вернемся. Уже какие-то буквы появились.

– Дайте взглянуть, – Фрэнк придвинул к себе кроссворд. – Что тут еще осталось?

Наконец продавец заметил меня, просканировал штрихкод канистры и вернул ее мне.

– Теперь на четвертую колонку? – спросила я, протягивая ему двадцатку.

– Отлично получается, – заметил Фрэнк, кивая на кроссворд, где было заполнено больше половины сетки. – Эмили, оцени.

– Класс, – я толком не знала, что сказать: впервые в жизни кто-то попросил меня оценить кроссворд. Что в таких случаях говорят? Как звучит правильный комплимент?

Фрэнк забрал чек и задумчиво сложил его пополам.

– А судоку вы пробовали? – спросил он продавца.

– Неа, это не мое, – тот заткнул за ухо карандаш.

– Я бы на вашем месте попробовал еще раз. Стоит войти во вкус – и это становится настоящим наркотиком. Вы даже не представляете, насколько затягивает.

Уже закрывая за собой дверь, я услышала, что продавец рассмеялся. Я подошла к колонке и сосредоточилась на том, чтобы вставить шланг в канистру, а потом чтобы не пролить ни капли бензина, но на самом деле меня занимала одна-единственная мысль. Люди действительно делятся на два типа. Первые – те, кто умеет говорить с незнакомцами и заводить себе друзей по всему миру, вторые – те, кто на больших вечеринках прячется в одиночестве по кустам.

– Ну как ты, справляешься? – это Фрэнк незаметно подошел и теперь стоял рядом. – Помощь нужна?

– Вроде бы уже все, – ответила я.

Цифры на счетчике постепенно замедляли бег и когда наконец остановились, я вынула шланг, плотно завинтила пробку и уже было собиралась поднять канистру, но она оказалась слишком тяжелой.

– Давай я, – Фрэнк схватился за канистру, и вдвоем мы ее подняли, хоть и не без труда.

Только теперь я поняла, насколько разумнее было бы сначала поставить пустую канистру в автомобиль, а потом уже подъехать заправляться. Еще одна ошибка в солидном списке сегодняшних проколов.

– Джеймс сказал, что лучше поставить ее в багажник, – заметил Фрэнк на пути к машине. – Даже пустая она будет так вонять, что салон пропахнет бензином.

– Джеймс? – переспросила я.

У продавца вроде бы не было бейджика с именем, но, может, я просто его не заметила… Или они успели познакомиться, пока решали кроссворд.

– Да, его так зовут, – Фрэнк на миг остановился, чтобы помахать продавцу на прощание, и тот ответно махнул рукой. – Приятный парень. Думаю, я все-таки убедил его попробовать судоку.

Наконец мы сели в машину, Фрэнк завел мотор и бросил рядом с бумажной лягушкой еще один кусочек бумаги – я заметила, что это был мой чек с заправки, теперь превратившийся в журавлика-оригами. Мне хотелось спросить про это увлечение, но я, конечно, промолчала и уставилась в окно. Если бы Слоан была с нами, я взглядом попросила бы ее задать вопрос. Да она бы и сама это сделала из любопытства. За два года нашей дружбы она ни разу не упускала случая узнать что-то новое о людях.

Мы проехали уже полдороги до Фруктового сада, когда я нарушила молчание. Наше общение сходило на нет – я видела это так же ясно, как бегун видит перед собой финишную черту.

– Еще раз спасибо, – сказала я, перед этим перебрав еще несколько вариантов прощальных слов. – Ты мне очень помог. Обещаю впредь никогда не забывать заправиться.

– Уверен, что не забудешь, – кивнул Фрэнк, бросив взгляд на приборную панель, подсвеченную холодным синим светом, словно это панель управления космическим кораблем. – Мне вот датчик не дает забыть, начинает пищать и мигать, когда в баке остается меньше четверти, так что я сразу начинаю искать заправку.

– У меня датчик топлива сломан, – объяснила я. Обычно я не сообщала никому об этой проблеме, но сейчас просто хотелось, чтобы Фрэнк не принял меня за полную дурочку… Как будто мне было мало того, что он знает меня как сестру мелкого адреналинового наркомана. – Так что я стараюсь просто запоминать, как давно заправлялась.

Фрэнк удивленно поднял брови.

– Вот это да. Удивительно, что такое случилось с тобой впервые.

– Ну да, обычно я внимательно слежу за топливом. Но эта неделя выдалась… – я прикусила губу, не собираясь делиться с Фрэнком всеми подробностями: исчезновение Слоан, мои бесконечные розыски подруги по всему городу, ее список… – В общем, выдалась тяжелой.

Он понимающе кивнул. Похоже, что за время нашей поездки сад опустел: вдоль шоссе стояло совсем немного припаркованных машин. Фрэнк довез меня до моей «вольво» и, вопреки ожиданиям, не уехал, пока мы не залили бак. Я бросила пустую канистру в багажник и заметила, что Фрэнк с интересом разглядывает наклейки на бампере. Он перевел взгляд на меня, и я прочитала в его глазах вопрос, но ничего не сказала, просто села на водительское сиденье и повернула ключ зажигания, скрестив на удачу пальцы. Мотор заработал.

– Завелась? – окликнул меня Фрэнк.

– Завелась, – я похлопала рукой по датчику топлива. – Не смотри на это. Он всегда показывает, что бак наполовину пустой.

Фрэнк нагнулся к моему окну, чтобы взглянуть поближе, и улыбнулся.

– Я бы сказал, что он наполовину полный.

Шутка дошла до меня не сразу, и вместо того, чтобы рассмеяться или пошутить в ответ, я только чуть-чуть улыбнулась и взялась за руль. Фрэнк собрался идти к своей машине, и вдруг я подумала, что веду себя ужасно грубо.

– Нет, правда, – окликнула я его, опуская стекло. – Спасибо тебе огромное. Дай знать, если вдруг я могу тоже что-нибудь для тебя сделать.

Фрэнк остановился в нерешительности.

– Слушай, а ведь есть такое. Ты не могла бы научить меня бегать?

Это было настолько неожиданно, что я просто не знала, как реагировать. Вероятно, это было написано у меня на лице, потому что Фрэнк быстро продолжил:

– Конечно, я умею бегать, все люди это умеют. Просто я хочу научиться делать это профессионально. Ты ведь участвуешь в марафонах по пересеченной местности, так?

Я кивнула, удивленная тем, что Фрэнк знает о моей спортивной деятельности в школе, что он вообще что-то обо мне знает. К тому же начиная с весны я то и дело пропускала тренировки и собрания и не была уверена, что меня не выгонят из школьной команды в следующем году. Но вот об этом-то Фрэнку точно было необязательно знать. Поэтому я решила, что просьба Фрэнка – чисто формальная. Он спросил только для того, чтобы я не чувствовала себя обязанной, и никакого практического продолжения она иметь не будет. В следующий раз мы встретимся 1 сентября, не раньше, и Фрэнка нам представят как старосту выпускного класса…

– Конечно, – сказала я, – обращайся. В любое время.

– Отлично! – он улыбнулся мне на прощание, сел за руль, включил поворотник, хотя дорога была совершенно пуста, и тронулся с места. Я смотрела вслед пикапу, пока свет задних фар не растаял вдали, и наконец поехала домой, радуясь, что эта долгая нервная ночь наконец кончилась.

Открыв дверь как можно более осторожно, стараясь, чтобы засов не щелкнул слишком громко, я переступила порог. Было уже полвторого ночи. Я помедлила секунду, ожидая, что сейчас загорится свет и послышатся шаги сердитых родителей, ждущих объяснений, где я была. Но весь дом спал, тишину нарушало только тиканье напольных часов – они достались нам вместе с домом, слишком тяжелые, чтобы их переносить в другое место. Я облегченно выдохнула, и тут что-то коснулось моих ног.

Я замерла на месте от испуга, сердце бешено забилось. Но это был всего-навсего кот.

– Брысь, – прошептала я, он отошел, уселся на пороге – как нарочно у меня на пути – и принялся умываться лапой. Кот появился у нас на второй год жизни в Стэнвиче: просто как-то вечером мы обнаружили его под дверью, жалобно мяукающего и тощего. Я пришла в восторг от мысли, что у нас наконец-то появится домашнее животное, ведь до сих пор мы никого не заводили из-за вечных переездов. Мы купили коту ошейник, поставили миски для воды и корма… Но он так и не стал по-настоящему домашним. Кот приходил и снова исчезал, когда ему было угодно, предпочитал жить в гараже, а в дом просился, только когда спать на улице становилось слишком холодно. И всякий раз, когда мы начинали думать, что он пропал и больше не вернется, голодный кот с недовольным видом объявлялся с утра на кухне, словно он никогда никуда не уходил. Папа дал ему кличку Годо, и за несколько лет мы успели привыкнуть к тому, что он гуляет сам по себе.

– Ну же, пшел, – я осторожно оттолкнула его ногой с дороги. Я была в шлепанцах, а Годо нередко пускал в ход когти, когда обижался или злился. Была уже ночь, я устала после долгого дня, и последнее, чего мне сейчас хотелось бы, – это сражаться с упрямым котом. Скорее подняться в свою комнату, вычеркнуть из списка пункт номер 12 и упасть в постель… Но тут-то меня и осенило. Разве я имею право вычеркнуть его? Ведь я за весь вечер не сорвала ни единого яблока! А вдруг Слоан понимает свои указания буквально? Поэтому, прежде чем я успела себя убедить, что это полная глупость, снова скользнула за

дверь, крайне удивив этим кота, и вышла в ночь.

Когда я вернулась к Фруктовому саду, последние припаркованные у дороги машины исчезли. Сад был пуст, все, что выдавало недавнюю вечеринку, – это несколько пластиковых стаканчиков, забытых на столах или втоптанных в землю. Теперь, когда я была совсем одна, это место не казалось мне опасным полем битвы: я смело и спокойно шла по той же поляне, по которой недавно кралась, как воришка, оглядываясь по сторонам. Глаза быстро привыкли к темноте, луна вышла из-за облаков и светила ярко, так что деревья отбрасывали тени. У одной из яблонь стояла более-менее целая лестница. Я решила, что ничего лучшего не найду, потому что лестница уж точно прошла испытание нетрезвыми молодыми людьми, которые куда тяжелее меня. Все ступеньки были целы, кроме нижней, и я осторожно вскарабкалась наверх. Лестница меня выдержала, и я почувствовала огромное облегчение, когда добралась наконец до самого верха. Отсюда открывался вид на пустую парковку, где одиноко стояла моя машина, на бесчисленные темные тропинки и на дорогу, ведущую в город.

Урожая нужно было ждать еще пару месяцев, но я надеялась, что хоть что-нибудь да найдется. Яблоки на ветвях были мелкими, даже на вид казались кислыми, но наконец я заметила одно вполне зрелое, до которого смогла дотянуться. Конечно, оно было не такое ровное и яркое, как фрукты в супермаркете, но все же намного лучше остальных. Я ухватила яблоко и, крепко держась за лестницу одной рукой, сильно дернула и сорвала его. Вытерев его о футболку, я устроилась поудобнее на верхней ступеньке и, убедившись, что лестница стоит крепко, откусила кусочек.

На вкус яблоко оказалось неплохим: недозрелым, но все же съедобным. Сидеть на дереве было здорово. Может, Беккет не так уж и неправ со своей любовью к покорению высот. Сидя наверху, я любовалась ночным видом и медленно, кусочек за кусочком, ела яблоко в свете луны.

3

55, авеню С. Спросить Мону

Я стояла на парковке прямо перед домом номер 55 по Стэнвич-авеню и смотрела на неоновую вывеску: «Райское мороженое. Искушение в каждом шарике!».

Это была одна из главных коммерческих улиц нашего города, где располагались различные кафешки и магазины. Я бывала тут неоднократно, просто никогда не обращала внимания на номера домов, так что дом номер 55 нашла с помощью навигатора в телефоне. В этом доме был небольшой торговый центр с несколькими заведениями: «Капитан-Пиццей» (наша со Слоан любимая пиццерия), магазинчиком косметики, спортивным магазином, где я недавно купила пару беговых кроссовок, бухгалтерской конторой и, наконец, этим вот «Райским мороженым».

Вчера я ездила во Фруктовый сад. Проснувшись поутру, машинально потянулась за телефоном, чтобы позвонить Слоан, не сразу сообразив, что ее со мной больше нет. Странно, но эта мысль уже не была так болезненна, как в предыдущие недели. В конце концов, у меня были инструкции от нее. Один из пунктов выполнен, теперь дело за остальными, и останавливаться я не собиралась. У меня был план действий.

Я перевела дыхание и прошла по парковке мимо «Капитан-Пиццы». Желудок заурчал от запаха свежеиспеченной пиццы, хотя до обеда было еще далеко, а с утра у меня был плотный завтрак. Сквозь стекло я разглядела белокурую девушку за кассой, которая кокетничала с высоким парнем у столика, приглаживая волосы и хихикая.

Я открыла дверь кафе-мороженого и вошла. Меня тут же обдало прохладой. Здесь было красиво: белые стены, белые столики, неоновые лампы над головой. Кафе вмещало пять столиков со стульями и длинную закрытую витрину с мороженым и вафельными рожками. Стены украшали большие постеры в рамках. Что-то в их оформлении – или в том, как выглядели изображенные на них модели, – заставило меня решить, что постерам уже несколько лет. На всех фотографиях люди держали стаканчики и рожки с мороженым и изображали удовольствие. «Не упусти свой шанс!» – читала я на постере, где улыбающаяся женщина поднимала перед собой пирамидку сразу из пяти разноцветных шариков. «Найди мороженое твоей мечты!» – предлагал другой плакат с задумчивым мальчиком с эскимо.

За кассой стояла девушка в футболке с принтом радуги на груди. Она была примерно моих лет, может, чуть младше, и не обращала на меня внимания,

продолжая хмуро разглядывать кончик своей косы.

– Привет, – окликнула я ее, подойдя ближе.

У девушки на груди красовался бейджик с именем Керри, и я почувствовала легкое разочарование. Хотя, конечно, глупо было ожидать, что на бейджике я увижу надпись «Мона»: это было бы слишком просто.

– Чем могу помочь? – отозвалась девушка, оторвавшись наконец от своей косы и подхватив лопаточку для мороженого. – Какой вкус предпочитаете? Сколько шариков?

– Ах, нет, – быстро ответила я. – В смысле… мне не нужно мороженое.

Керри разочарованно отложила лопаточку, наградив меня презрительным взглядом. Я сглотнула и постаралась собраться с мыслями.

– Мне нужно… Мне нужно увидеть Мону, она здесь?

– Нет, – Керри как-то странно смотрела на меня, и я ее вполне понимала.

Может быть, мне стоило начать с покупки мороженого? Это помогло бы завязать разговор. Теперь же я переминалась с ноги на ногу, не зная, как продолжить беседу. Если бы только знать, кто такая эта Мона… Или предполагать, зачем она мне нужна…

– Просто… – я представления не имела, как все это объяснить, и решила идти напролом, как бы странно это ни выглядело. – Просто моя подруга оставила мне письмо, попросила прийти сюда и спросить Мону. Так что…

Я окончательно запуталась, не зная, как заставить эту Керри рассказать мне, где Мона. Все получалось куда глупее и унизительнее, чем я думала, и каким-то странным образом это понимание освобождало.

– В общем, так, Моны тут нет, – медленно и членораздельно произнесла Керри, как будто тот факт, что я не купила у нее мороженое, доказывал, что я плохо понимаю английский. – И если вы ничего не собираетесь заказывать, то…

Зазвонил телефон у кассы, и девушка взяла трубку.

– Здравствуйте, это «Райское мороженое», – заученным голосом начала она, не сводя с меня глаз, но быстро сменила тон. – Да, Мона, слушаю вас. Нет, не посетитель. Просто…

– Это Мона звонит? – вмешалась я, опираясь на витрину. Отчаяние придало мне храбрости, и я окончательно утратила понятие о приличиях. – Можно, я с ней поговорю?

– Нет, – сказала Керри в трубку – на самом деле, наверное, мне, – отступая на шаг. – Просто какая-то девушка, которая ничего не заказывает, сказала, что хочет с вами поговорить… – Мона что-то ответила ей, и Керри переспросила у меня: – Что конкретно вы хотели?

– Это все моя подруга, – заторопилась я, пока Керри не передумала. – Она мне оставила такое указание – ее зовут Слоан Уильямс, и я на самом деле не знаю, что она имела в виду, просто велела мне прийти сюда и спросить Мону… Ну вот я и… спрашиваю.

Керри изумленно вскинула брови.

– Вы слышали? – спросила она в телефонную трубку и какое-то время молча слушала ответ. – А, вот как… Я не знаю, почему она сразу это не сказала… Хорошо, я сейчас ее спрошу и перезвоню вам.

Она повесила трубку, и я почувствовала разочарование: может, мне все-таки следовало попытаться поговорить с Моной самостоятельно?

Тем временем Керри распахнула шкафчик под кассой, вытащила папку и начала пролистывать бумаги, заслоняя их от меня, так что я не могла разглядеть, что это такое.

– Как вас зовут?

– Эмили, – я подумала, что, может быть, нужно было захватить какое-то удостоверение личности. – Эмили Хьюз.

Керри кивнула, вытащила из папки лист и положила его передо мной.

– Вас тут ждали на прошлой неделе. Мона уже думала, что работа вам не нужна.

Я смотрела на нее, ничего не понимая.

– Работа?

Керри закатила глаза, явно теряя остатки терпения.

– Ну да, работа. Работа, для которой вы заполняли заявку. Мона – наш менеджер.

Я пододвинула к себе лист бумаги. Да, это было заявление о приеме на работу, заполненное почерком Слоан. Здесь были указаны ее телефон и электронная почта, но при этом мое имя и мои данные о предыдущих местах работы. Слоан оставила свои данные в графе «Контактное лицо», а в графе «Дополнительная информация» написала: «Я трудолюбивая, аккуратная, умная. У меня отличное чувство юмора, пунктуальная, верная подруга, прекрасно работаю в коллективе, в общем, очень крутая. А еще скромная».

Я невольно улыбнулась, читая все это, но при этом чувствовала, что вот-вот расплачусь. Единственное, что меня сдерживало, – это мысль о том, что Мона, или Керри, или кто угодно могли обо мне подумать, исходя из этой очень эксцентричной выходки.

– Можно это забрать? – я потянула к себе лист, но Керри покачала головой.

Пока я читала, она успела достать из шкафчика две футболки с радугой.

– Нет, нельзя. Мы сохраняем анкеты у себя, чтобы у нас были ваши данные на случай, если вы решите поджечь кафе или что-нибудь подобное, – она подозрительно взглянула на меня, как будто оценивая, способна ли я на поджог. – Уверена, что при собеседовании Мона вам сказала про зарплату. График такой: пять смен в неделю, причем две должны приходиться на выходные. Мона сегодня составит расписание и пришлет его вам на электронную почту.

Я удивленно моргнула.

– Вы хотите сказать, что я принята на работу?

Керри не удосужилась ответить.

– Мона хотела знать и насчет вашей подруги – она еще заинтересована в месте? – с этими словами девушка вытащила из папки еще один лист, и я увидела, что это анкета самой Слоан, заполненная ею же. В графе о предпочтительных часах работы Слоан написала заглавными буквами: «ОБЯЗАТЕЛЬНО ТЕ ЖЕ СМЕНЫ, ЧТО И У ЭМИЛИ ХЬЮЗ!».

Наконец-то я все поняла. Слоан нашла нам общую работу, как мы и хотели. И, судя по тому, каким пустым стояло кафе среди бела дня, это был бы идеальный вариант. Не то что прошлым летом, когда мы и на пять минут присесть не могли. А здесь просто прекрасно – можно было бы весь день смеяться и болтать, изредка прерываясь на случайного клиента.

Керри громко вздохнула, и я поняла, что ее вопрос повис в воздухе.

– Нет, – быстро ответила я и заметила, что в анкете Слоан графа «Дополнительная информация» осталась пустой. – Она… она в настоящее время недоступна.

– Окей, – Керри убрала ее заявку в папку. – Так вы-то собираетесь работать или как? Потому что если нет, то нам нужно звонить другим соискателям.

Я быстро обдумала ситуацию, глядя на две белые форменные футболки на столе. Вообще идея не самая плохая. Работа мне нужна, и Слоан ее нашла. В конце концов, она даже внесла это в список, чтобы я не упустила эту возможность в случае ее отъезда. И что-то мне подсказывало, что здесь я не буду так уж сильно утомляться. Я кивнула.

– Да, я собираюсь.

– Ну и отлично, – сказала Керри без особого энтузиазма в голосе и подвинула футболки ко мне. – Тогда добро пожаловать в «Райское мороженое».

Домой я возвращалась в самое жаркое время. Кондиционер в «вольво» едва работал, так что обычно я даже не пыталась его включать, но сегодня не выдержала – и он обдал меня волной жара. Я поспешно отключила его. Обычно из-за открытой крыши меня при езде обдувало ветерком, но сейчас от этого было только хуже. Я сделала в уме заметку: обязательно принести из гаража деревянную крышу и приладить ее – она даст хоть какую-то тень. Появившись дома с двумя форменными футболками в руках, я жалела лишь о том, что не прихватила никакого мороженого.

Я постаралась войти незаметно, чтобы не отвлекать родителей от работы. Но в столовой обнаружился только папа. Он сидел за столом, перед ним стоял открытый ноутбук, но вместо работы он внимательно читал толстую книгу, периодически делая на полях заметки. Он был настолько увлечен, что даже не заметил, как я вошла.

Мама была на кухне, мыла под краном персик. Обернувшись на звук моих шагов, она одарила меня усталой улыбкой: видимо, родители работали с раннего утра.

– Привет, Эм, – она заметила футболки у меня в руках. – По магазинам ходила?

– Я нашла работу, – ответила я, встряхивая одну из футболок так, чтобы был виден логотип. – Видишь? «Райское мороженое».

– О, вот как, – мама подняла брови. – Это просто… отлично. Уверена, что там внутри приятная прохлада, так? – это явно был риторический вопрос. – Ты сегодня ела? Хочешь персик?

– Нет, спасибо, – я взяла из холодильника бутылку минералки и сделала большой глоток.

– Я как раз хотела спросить, – как бы невзначай начала мама, вытирая персик полотенцем. – У вас все в порядке со Слоан? Мне кажется, она давно не заходила.

– Ну-у… – протянула я.

Еще вчера я просто мечтала поговорить об этом с родителями, попросить их помощи… Но все это было до появления списка. Списка, который убеждал меня в том, что у Слоан есть какой-то план, и помощь родителей в этот план явно не входила.

– Она просто уехала на лето, – я спокойно смотрела маме в глаза, потому что чисто технически это была правда.

– Как жаль, – мама нахмурила брови.

Она вообще была очень эмоциональная, могла легко расплакаться из-за любой мелочи, например, разбитой тарелки. Поэтому никто из нас не любил сидеть с ней рядом в кинотеатре на просмотре какого-нибудь драматического фильма.

– Тебе, наверное, очень скучно, Эм?

Мама начала есть персик, но я чувствовала, что допрос еще не окончен. Понятно было, о чем она спросит дальше: куда уехала Слоан, зачем, надолго ли… А я не смогу ответить. Так что надо было ее отвлечь, пока она не успела снова заговорить.

– А Беккет, между прочим, очень ждет похода, который ему обещал папа.

На всякий случай я огляделась по сторонам, хотя была уверена, что брат сейчас в дневном лагере.

– Да, и папа тоже ждет, – мама улыбнулась – это был верный признак того, что поход все-таки остался в планах на лето, а значит, я не солгала брату, обнадежив его. – Хотя мне этого не понять, – продолжала мама, не отрываясь от персика. – Тоже мне удовольствие – спать на улице, если дома есть удобная кровать…

– Андреа, ты только послушай, – в дверях кухни возник радостно-возбужденный папа с толстой книгой в руках. – Тесла и Эдисон действительно были друзьями, когда тот впервые приехал из Парижа. Эдисон называл его гением.

– Скотт, – перебила его мама, – я говорила с Эм.

Однако от меня не ускользнуло, что мыслями мама уже далеко и думает только о том, чтобы скорее вернуться к работе над пьесой. Наверняка она мгновенно забыла наш разговор о Беккете и походе.

– Все в порядке, – быстро сказала я, отступая к двери. – Идите, творите дальше.

Мама взглянула на меня с легким недоверием, и я изобразила дежурную улыбку в стиле «у меня все супер». Поднимаясь по лестнице к себе, я слышала за спиной радостные голоса родителей, из общего потока речи выпадали слова типа «лаборатория», «патент» и «переменный ток».

Я медленно поднялась наверх, чувствуя, как с каждым шагом растет температура воздуха в помещении, упала на кровать и смотрела в потолок, весь в липких отметинах от скотча, которым крепились сменявшие друг друга плакаты моих подростковых кумиров. В телефоне не обнаружилось ни новых сообщений, ни пропущенных звонков. Отлично понимая, что снова услышу в ответ лишь голосовую почту, я все же набрала Слоан и прослушала знакомое до последней буквы приветствие. После финального «Оставьте сообщение после звукового сигнала» я заговорила.

– Привет, это я. Я устроилась на работу в «Райское мороженое». Спасибо, что нашла ее для нас обеих.

Эти слова вырвались сами по себе, и я тут же испытала душевную боль. Никаких «нас обеих» в кафе не будет. Только я в дурацкой футболке с радугой.

– Расскажу тебе потом, как все прошло. Смешно получилось. Эта Керри, наверно, подумала, что я сумасшедшая.

Я послушала тишину пару секунд – пустое пространство вместо диалога со Слоан, которая уже смеялась бы, задавая тысячу уточняющих вопросов…

– Ну ладно. Скоро встретимся и поговорим.

Я сбросила вызов, встала с кровати и убрала форменные майки в шкаф.

Передо мной снова лежал список Слоан. Вряд ли мне удастся сегодня выполнить что-то еще, но подобие мозгового штурма не помешало бы. Аккуратно вычеркнув пункт номер 7, я засунула список в конверт и огляделась. В комнате оставаться не хотелось – в такую жару это было невыносимо, но идея ходить на цыпочках мимо столовой, где работают родители, тоже не привлекала.

Не хотелось мне ни в город, ни в кампус. Меня охватило чувство, похожее на клаустрофобию. Нужно было непременно куда-то выйти, хотя я только что вернулась домой. Куда податься, чем себя занять? Я скинула шлепанцы и забросила их в шкаф – они приземлились аккурат поверх кроссовок, и это был ответ на мой вопрос.

Не раздумывая больше ни секунды, я вытащила кроссовки, а вслед за ними и спортивную форму. Не знаю, станет ли мне от этого легче, но хуже – уж точно нет. Хорошая пробежка сейчас была просто необходима.

Июнь. Два года назад

Я следила за техникой и старалась не сбиваться с ритма, хотя уже дышала довольно тяжело, явно пребывая не в лучшей форме: последняя моя пробежка состоялась аж две недели назад. Меня, конечно, приняли в школьную команду, но на марафоне по пересеченной местности я то и дело отставала от остальных и решила за каникулы наверстать упущенное, чтобы показать улучшенный результат на осеннем соревновании, тем более что оно обещало быть сложнее.

Район, в котором мы жили, был очень многолюдным, что мешало тренировкам. Поэтому выбор пал на маршрут для пробежки, который выходил практически за пределы города. Сейчас я находилась милях в десяти от дома и чувствовала, что возвращаться, возможно, придется шагом, а значит, это займет довольно много времени. Мне почти не доводилось бывать в этой части города. Здесь не было пешеходных дорожек по обочинам, но и автомобили попадались редко, так что бежать прямо по шоссе было безопасно.

Я как раз раздумывала, не пора ли мне перейти на шаг, когда появилась эта девушка.

Она расхаживала взад-вперед по подъездной дорожке одного из домов, но когда я приблизилась, она тут же остановилась и заслонила глаза рукой от солнца, чтобы лучше разглядеть меня. А потом, к моему изумлению, принялась махать рукой – не так, как машут знакомым в знак приветствия, а как потерпевший кораблекрушение отчаянно машет флагом проходящему мимо кораблю.

– Я так рада, что тебя встретила! – крикнула девушка, едва я подбежала на достаточно близкое расстояние, чтобы ее услышать. – Я так тебя ждала!

Перейдя на шаг, я подошла к ней. Девушка была примерно моего возраста, но гораздо красивее, чем любая из моих знакомых, одета в шелковый просторный топик и джинсовые шорты, с легким макияжем и красной помадой на губах. Только тюрбан из полотенца, которым были замотаны волосы, контрастировал с ее идеальным образом.

– Меня? – удивленно спросила я, стараясь отдышаться, и даже обернулась на дорогу, чтобы убедиться, что здесь нет кого-то еще.

Как она могла ждать меня, если я видела ее впервые в жизни? Такую девушку я бы запомнила, это уж точно!

– Ну, в общем, – призналась девушка с улыбкой, – не именно тебя, а вообще кого-нибудь вроде тебя, кто не был бы похож на психа. Хотя, если честно, я уже и на любого ненормального была согласна. Но ты реально первая, кто здесь появился за последний час! Я уже боялась, что попала в ужастик про зомби, где все человечество вымерло.

Я хлопала глазами, пытаясь понять, что происходит. Девушка говорила быстро, и в ее голосе одновременно слышались и легкая паника, и ироничная усмешка – чрезвычайно странное сочетание.

– Но что… – я запнулась в поиске правильного вопроса. – У тебя все в порядке?

– Нет, – сообщила она и тут же передумала. – То есть да, я в порядке, просто… Не могла бы ты мне помочь попасть домой? Вон туда, – она указала куда-то назад, и у меня просто отвисла челюсть.

Это был не дом, а настоящий роскошный особняк. Старый, красивый, невероятно большой. Таким дворцом могли владеть какие-нибудь люди из высшего общества, устраивающие там торжественные приемы для очень важных персон, а двери непременно должны открывать дворецкие в белых перчатках.

– Я тут живу, – продолжала девушка. – Клянусь, что не пытаюсь вломиться в чужой дом! Я просто нечаянно захлопнула дверь, – она покачала головой и поправила тюрбан из полотенца. – Обычное дело, хотела прогуляться, чуть-чуть загореть… Даже не знаю, когда вернутся родители. То есть рано или поздно они, конечно, приедут, но я не хочу, чтобы к этому времени мои волосы позеленели на веки вечные.

С этими словами девушка безудержно расхохоталась, закрыв глаза и раскачиваясь от смеха.

Комизм ситуации мне еще не был ясен до конца, но губы мои невольно растянулись в улыбке. Хотелось смеяться, хотя бы потому, что ее смех был такой заразительный.

– Извини, – она наконец взяла себя в руки. – Просто до чего же положение идиотское!

– Почему ты боишься, что твои волосы станут зелеными? – спросила я.

Девушка потянула за край тюрбана. Полотенце упало с ее головы, и мои глаза округлились. Волосы новой знакомой были покрыты густой зеленой маской, которая уже затвердела и смотрелась как шлем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Шотландское блюдо из бараньего рубца.

2

«Девчушка», «милашка» – шотландский диалектизм.

3

Цитата из Уильяма Уоллеса, шотландского национального героя, в фильме «Храброе сердце».

4

Вид ловли рыбы на искусственную приманку с особым способом заброса.

5

Британская певица, музыкант и актриса (род. в 1947 г.).

6

Итальянская модель, актриса и дизайнер (1944–2017).

7

Парафраз названия Массачусетского технологического института (Unichusetts of Massaversity – University of Massachusetts).

8

Спортивная игра, цель которой – с помощью клюшки с длинной рукояткой и сеткой на конце забросить мяч в ворота соперника.

Купить: https://tellnovel.com/ru/metson_morgan/kogda-ty-ushla

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить